

ДНИ

РОМАНОВЫХ

ПОСЛЕДНИЕ

Ихъ Императорскія
Августейши

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

**Императоръ Николай II, Александровичъ,
родился 19 мая 1868 года**

**Императрица Александра Феодоровна,
родилась 7 июня 1872 года**

**Наслѣдникъ Алексѣй Николаевичъ,
родился 12 августа 1904 года**

**Великая Княжна Ольга Николаевна,
родилась 16 ноября 1895 года**

**Великая Княжна Татьяна Николаевна,
родилась 11 июня 1897 года**

**Великая Княжна Марія Николаевна,
родилась 27 июня 1899 года**

**Великая Княжна Анастасія Николаевна,
родилась 18 июня 1901 года**

П. М. Быков

Последние
дни
Романовых

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава I	
Накануне переворота	7
Глава II	
Свержение самодержавия	14
Глава III	
Арест Романовых	24
Глава IV	
В старом гнезде	31
Глава V	
В тобольском заключении	38
Глава VI	
Гермогеновщина	45
Глава VII	
Тобольское заключение после Октябрьского переворота	51
Глава VIII	
Надежды на освобождение	57
Глава IX	
Советский Урал	65
Глава X	
Мимо Урала нет пути	70
Глава XI	
В столице Урала	78
Глава XII	
Последние дни Романовых	82
Глава XIII	
Расстрел Николая Романова и его семьи	89
Глава XIV	
Расстрел бывших великих князей	93
Глава XV	
В поисках Романовых	98
Список сокращений и уточнений	101
Из дневника Николая Романова	102
Из воспоминаний Я. М. Юрковского	106

П. М. БЫКОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
РОМАНОВЫХ

Свердловск
Издательство «Уральский рабочий»
1990

ББК 633
Б 95

Ответственный редактор —
профессор, доктор исторических наук
В. В. Алексеев

Текст печатается по изданию:
П. М. Быков. Последние дни Романовых. М.; Л., 1930.

Б 460301000—003
4771—590532—90

© Уральская школа бизнеса и информатики, 1990, составл., предисл., иллюстр., оформл.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель, в твоих руках книга о последних днях последнего российского императора Николая II и его ближайшего окружения. Она издана в 1926 г. в Свердловске, затем в 1930 г. переиздана в Москве — Ленинграде, но вскоре была запрещена и более полувека пролежала в «спецхраних» библиотек, став библиографической редкостью. Между тем, она содержит уникальные свидетельства очевидца тех трагических событий, что небезынтересно нашему современному, который пытается переосмыслить свое недавнее прошлое.

Перед ним встают мучительные вопросы: как оценить в свете нынешнего тяжелого положения страны октябрь 1917 г. и последовавшую за ним крутую ломку традиционного уклада русской жизни; оправдана ли физическая расправа без суда и следствия над бывшим монархом и его семьей; кто принял решение о расстреле членов царской династии и кто был непосредственным его исполнителем; наконец, где поконится прах Романовых? На эти и многие другие вопросы, связанные с трагедией 1918 г., пытались ответить современники, а также последующие поколения историков и публицистов не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Ответы разные по своей объективности и убедительности. Нередко они такие же скоропалительные, как июльское решение восемнадцатого года. А ведь в архивах, особенно в свердловских, хранятся уникальные документы той поры, которые в условиях гласности должны наконец высветить еще одно темное пятно нашей драматической истории.

Предлагаем читателю произведение активного участника тех событий — первого председателя исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, члена Уральского областного Совета в 1917—1918 гг. П. М. Быкова «Последние дни Романовых». Автору не откажешь в информированности и наблюдательности,

содержательности и увлекательности повествования. Однако далеко не все его выводы можно принять на веру по двум главным причинам. Во-первых, потому, что при всей сдержанности в освещении фактов он не смог абстрагироваться от господствующей тогда классовой оценки событий. Особенно четко это проявилось в двух последних абзацах сочинения, дополненных к изданию 1930 г. Во-вторых, за три четверти века со времени выхода книги в свет советская историческая наука, несмотря на все ее недостатки, сделала заметный шаг вперед в накоплении и осмысливании материала по тому периоду. К примеру, сомнительно теперь выглядят концепции двух заговоров против царя, крайней реакционности русской буржуазии и духовенства, абсолютной бездарности и тупости Николая Александровича. Впрочем, современный читатель сам в состоянии разобраться во всем этом. Предоставляем ему такую возможность.

От себя заметим, что драму русского царя, по всей вероятности, правильнее рассматривать в контексте мировой истории, с позиций ее поступательного движения и принципов гуманизма по отношению к человеческой личности. Триста лет назад скатилась на плаху голова английского короля, сто лет спустя — французского, а еще через сто с небольшим — российского. Первые две трагедии давно стали историей без всполохов классовой ненависти с той и другой стороны. Видимо, и к третьей трагедии пора отнестись так же, предварительно сказав о ней всю правду.

Организаторы данного издания делают шаг в этом направлении, публикуя в качестве приложения неизвестные и малоизвестные документы и фотографии из фондов государственного и партийного архивов, объединенного историко-краеведческого музея Свердловской области.

Часть средств от издания книги перечисляется на восстановление и реконструкцию памятников истории и архитектуры Урала.

В. В. Алексеев

ГЛАВА I

Накануне переворота

Перед опасностью потерять власть династия Романовых в первый раз встала в 1905 году. Тогда царскому правительству, при активной поддержке французской биржи, удалось подавить революцию и спасти династию. И вся власть по-прежнему осталась в руках царизма. Но с тех пор положение сильно изменилось.

Русская буржуазия, которая уже давно правила страной экономически, после революции 1905 г. стала приобретать все большее влияние и в области политической. Этому в значительной мере способствовала третиенюанская конституция, которая довольно широко раскрыла перед буржуазией двери к политической деятельности. Все буржуазные партии — партия к.-д., октябристов и др. — были фактически легализованы, и их пресса пользовалась большой свободой. Имея такую значительную свободу, буржуазия быстро забрала в свои руки местное самоуправление, съезды разных видов, Думу и др. общественные организации, делая их опорными пунктами всевозраставшего своего политического влияния. Наряду с этим происходило сближение ее с царизмом, который все больше приспособлялся к обслуживанию нужд капиталистического развития страны. В известной мере, можно сказать, происходило обуржуазивание царизма. К 1914 г. русская буржуазия, несомненно, уже частично являлась носителем политической власти в России и своей позицией нередко определяла политику царского правительства.

Империалистическая война в первый момент еще теснее спаяла русскую буржуазию с царизмом, установив между ними полное единение и согласие. Но через три-четыре месяца после начала войны это единство было поколеблено. Самодержавие оказалось несостоительным перед лицом тех огромных задач, которые ставились войной. Русские войска терпели одно поражение за другим вследствие отсутствия в армии достаточного количества

ружей, патронов и снарядов. В тылу положение складывалось не лучше. Здесь уже начало ощущаться одно из самых тяжелых последствий войны — хозяйственная разруха, вызываемая в значительной мере неумением правительства справиться с затруднениями военного времени. Все это ставило под большое сомнение возможность победы России и толкало российскую буржуазию на путь оппозиции царскому правительству.

Заинтересованная в успешном ходе войны буржуазия еще в самом начале ее превратила находившиеся в ее руках общественные организации (Всеросс. зем. союз, Всеросс. союз городов и др.) во вспомогательные органы при государственных военных и гражданских учреждениях. Эти организации были более подвижны, чем правительственные, и вскоре приобрели большое значение в деле обслуживания нужд войны. Правительство вынуждено было считаться с их работой и предоставлять им довольно широкие права. Но этого, по мнению буржуазии, было недостаточно для того, чтобы изменить положение, и она настойчиво требовала предоставления ей еще больших прав в вопросах руководства и организации войны.

Отступление русских войск из Галиции во второй половине апреля 1915 г. заставило правительство пойти на уступки. Летом того же года в Петрограде было образовано Особое совещание по государственной обороне с участием представителей заводчиков и фабрикантов, членов Государственной думы и т. д. С этого времени буржуазия фактически забрала в свои руки военную экономику. Но она добивалась большего. Ее представителями в Думе от имени так называемого прогрессивного блока, объединявшего думское большинство, было выдвинуто требование создания «ответственного министерства».

Таким образом буржуазия хотела не только держать в своих руках военную экономику путем Особого совещания, но и добиться взятия в свои руки политического руководства страной. Последнее приобретало в ее глазах тем большую настоятельность и значение, что в придворных кругах начало усиливаться германофильское направление, стремившееся к сближению с Германией и к заключению с нею сепаратного мира.

Слухи о ведущихся за кулисами переговорах беспокоили патриотически настроенную буржуазию не меньше, чем неудачи на фронте, неурядицы и бесхозяйственность в тылу. Тем не менее Дума не решалась встать на путь

активной борьбы с царским правительством, так как боялась этим вызвать движение масс, которое, в ее глазах, было более опасным, чем сохранение самодержавия. Поэтому ее оппозиционность была чрезвычайно умеренной и носила преимущественно словесный характер.

Провести в жизнь требование ответственного министерства мирным путем буржуазии не удалось. Придворная камарилья, во главе с Распутиным, крепко держала власть в своих руках и не допускала каких-либо новых уступок. Безвольный и умственно ограниченный Николай II находился всецело под ее влиянием, будучи простою пешкой в руках своей жены, которая, в свою очередь, как известно, находилась под исключительным влиянием Распутина. В России фактически установилось самодержавие Распутина. О его всесилии можно судить хотя бы по тому факту, что за последние два-три года до свержения самодержавия не было, кажется, ни одной смены министров, которая произведена была бы без его ведома и согласия. Этот захват власти Распутиным сопровождался невиданным разложением аппарата самодержавия, сделав его ареной похождений всяческих авантюристов и шантажистов. Даже такой оголтелый монархист, как Пуришкевич, и тот должен был признаться, что «правительство наше — все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьеризмом, лиц, помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем»¹.

Осенью 1916 г. недовольство достигло больших размеров. Даже среди верноподданного дворянства политика царского правительства уже не встречала прежней безоговорочной поддержки. Съезд представителей дворянства, состоявшийся 28 ноября, присоединился к умеренным требованиям прогрессивного блока.

За дворянством последовали и родственники царя — великие князья, умолявшие последнего принять меры к спасению династии от неминуемой гибели. Великий кн. Александр Михайлович с тревогой писал Николаю II: «Мы переживаем самый опасный момент в истории России... Какие-то силы внутри России ведут тебя, и следовательно, и Россию к неминуемой гибели»². Вслед за ним предостерегающее письмо пишет другой родственник

¹ Убийство Распутина — из дневника В. Пуришкевича. С. 5.

² Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Гиз, 1925. С. 117—118.

Николая, в. к. Николай Михайлович, указывая в своем письме, что царь «находится накануне эры новых волнений»; он уверял Николая, что «если бы удалось устраниить постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России, и вернулось бы утраченное доверие громадного большинства подданных»¹. Еще дальше пошел в. к. Георгий Михайлович, намекая Николаю на необходимость, в интересах династии, образовать, правда на весьма своеобразный лад, «ответственное министерство».

Однако Николай был глух ко всем этим мольбам и советам и не соглашался на умаление своей самодержавной власти, а его жена — так та просто не хотела слышать об этом.

«Глупец тот, кто хочет ответственного министерства»², — писала она Николаю относительно указания в. к. Георгия Михайловича. По поводу же письма в. к. Николая Михайловича, который набрался смелости заикнуться об опасности влияния «темных сил» и, в частности, ее, Александры Федоровны, — последняя писала мужу: «Пожалуйста, прикажи Николаю Михайловичу уехать — он опасный элемент здесь, в городе». И в результате этот в. к. был выслан из Петрограда в свое имение.

Неизменно наталкиваясь на такое сопротивление со стороны Николая, эта часть правящих верхов стала искать других путей спасения себя и династии. В их глазах главным виновником наблюдавшегося развала в стране и влияния «темных сил» на царя был Распутин. Только устранение последнего, по их мнению, могло спасти династию. Поэтому среди них возникает мысль об убийстве Распутина. В. к. Дмитрий Павлович совместно с князем Юсуповым и известным монархистом Пуришкевичем решаются пойти на этот «героический» шаг. Они предполагали к выполнению своего плана привлечь В. Маклакова, одного из видных кадетских лидеров, рассчитывая придать задуманному делу более широкий общественный характер. Но Маклаков, не возражая принципиально против «благого» начинания, струсиł и, под предлогом срочного выезда в Москву, отказался от непосредственного участия в этом деле. По словам Пуришкевича, Макла-

¹ Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Гиз, 1925. С. 146—147.

² Там же. С. 20.

ков ему заявил, что едва ли он может быть полезен, как активный деятель, в самой ликвидации Распутина, но что после таковой, если что-либо у нас выйдет не гладко и мы попадемся, он не только готов помочь нам юридическим советом, но и охотно выступит нашим защитником на суде, если дело дойдет до такового. «Но вот о чём я вас торячо прошу,— с живостью добавил Маклаков,— если дело удастся, не откажите немедленно послать мне срочную телеграмму, хотя бы такого содержания: «когда приезжаете». Я пойму, что Распутина уже не существует и что Россия может вздохнуть свободно»¹.

Таким образом ожидание спасения самодержавия ценою убийства Распутина разделялось и руководящей партией буржуазной оппозиции, которая неофициально была втянута в это террористическое предприятие.

17 декабря 1916 г. Распутин был убит в доме князя Юсупова, куда он был приглашен на специально организованную для покушения вечеринку. Но спасения царизма, конечно, не последовало.

Происходившие вслед за этим смены министров показывали твердое намерение царского правительства вести прежнюю политику, не считаясь ни с буржуазной оппозицией в лице прогрессивного блока, ни с оппозиционным настроением в своей собственной среде.

Под влиянием этого среди представителей буржуазии, а также в некоторых военных кругах вначале тайно, а потом все более открыто начала обсуждаться мысль о разрешении вопроса о власти путем дворцового переворота. «Мысль эта,— по свидетельству Курлова,— встретила сочувствие и среди некоторых членов царствующего дома»².

Как ни пугала буржуазию возможность массового движения в результате этого переворота, она все же принуждена была решиться на него, так как переворот становился для нее единственной предпосылкой победы в войне. П. Милюков в своей «Истории второй русской революции» сообщает о существовании двух кружков, которые обсуждали подробности предстоящего переворота. Во главе одного из этих кружков, состоявшего, по-видимому, из военных, стоял известный генерал Крымов. В другой входили «неко-

¹ Убийство Распутина — из дневника В. Пуришкевича. С. 26.

² Конец русского царизма. Воспоминания ген. П. Г. Курлова. Гиз, 1924. С. 280.

торые члены бюро прогрессивного блока с участием некоторых земских и городских деятелей». Этот кружок, по словам Милюкова, «обсуждал вопрос о том, какую роль должна сыграть после переворота Государственная дума. Обсудив различные возможности, этот кружок также остановился на регентстве в. к. Михаила Александровича, как на лучшем способе осуществить в России конституционную монархию. Значительная часть членов первого состава Временного правительства участвовала в совещаниях этого кружка»¹.

Такова была в общих чертах политическая программа участников готовившегося переворота. О том, какие меры готовы были принять заговорщики для успешного выполнения своей цели, рассказывает в своих воспоминаниях генерал Деникин. Предполагалось, что в одну из поездок Николая в Ставку на царский поезд должен был напасть ген. Крымов со своим отрядом и предложить ему отречься от престола, а в случае упорства со стороны Николая «физически его устраниить». Осуществление этого плана намечалось на февраль 1917 г.

В то время как велась подготовка дворцового переворота, о котором было известно довольно широким кругам, царское правительство, не зная в деталях планов своих противников, готовило контрудар. О нем рассказывает генерал Курлов, по словам которого, контрудар сводился к роспуску Государственной думы, а чтобы предупредить движение масс, предполагалось опубликовать «закон о наделении крестьян землей... уравнять все население в гражданских правах и... издать закон о равноправии всех национальностей»².

Что такой план действительно существовал, можно отчасти видеть из показаний министра внутренних дел Протопопова Чрезвычайной следственной комиссии Врем. правительства, организованной после Февральского переворота для расследования противозаконных действий деятелей старого режима. По-видимому, с указанными мероприятиями царское правительство связывало заключение сепаратного мира с Германией, о чем Курлов и Протопопов, по понятным причинам, не говорят.

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1922. С. 36.

² Конец русского царизма. Воспоминания ген. П. Г. Курлова. Гиз, 1923. С. 284—285.

Но ни контрудара, ни дворцового переворота не удалось провести, так как в феврале 1917 г. в борьбу за власть вмешалась третья сила — рабочий класс, — которая помешала осуществлению обоих планов. А дальнейшие события складывались уже не так, как того хотела буржуазия и как предполагало царское правительство.

ГЛАВА II

Свержение самодержавия

В то время как буржуазия готовилась к дворцовому перевороту во имя продолжения войны «до полной победы», рабочие и солдатские массы, чувствуя на себе всю тяжесть последствий войны, также поднимались для борьбы с самодержавием. Но их требования шли гораздо дальше умеренных «реформ», выдвинутых в программе прогрессивного блока. Буржуазия не без основания видела в этом признак скорого наступления революции, с которой у нее связывалась мысль о поражении в войне и гибели своей и династии. Поэтому ее не менее, чем царское правительство, пугало нарастающее с каждым днем революционное брожение в рабочей среде и в армии. Видный монархист В. Шульгин приводит об этом следующий весьма небезынтересный разговор с кадетом Шингаревым.

«Положение ухудшается с каждым днем,— с тревогой говорил ему Шингарев в начале января 1917 г.,— мы идем к пропасти... Революция — это гибель, а мы идем к революции... С железными дорогами опять катастрофически плохо... В Петрограде уже серьезные заминки с продовольствием... Надо дотянуть до весны... Но я боюсь, что не дотянем».

«Надо дотянуть,— отвечал Шульгин.— Но как? Если даже наша безумная власть пойдет на уступки, если даже будет составлено правительство из этих самых людей доверия («ответственное министерство».— П. Б.), то это не удовлетворит. Настроение уже перешагнуло через нашу голову, оно уже левее прогрессивного блока, страна уже слушает тех, кто левее, а не нас... Поздно»¹.

Видя нарастание революции, буржуазия принимала все меры к возможному ее предупреждению. С одной стороны, она обращалась к рабочим с призывом к спокойствию, с другой — умоляла правительство пойти на уступки тре-

¹ Шульгин В. Дни. Л.: Прибой, 1925. С. 86.

бованиям прогрессивного блока, чем, по ее мнению, только и можно было спасти положение. И даже когда с.-д. обронцами, этим левым крылом буржуазной оппозиции, предполагалось провести 27 февраля выступление рабочих для поддержки Думы, т. е. того же самого прогрессивного блока, буржуазия так была этим напугана, что ее лидер Милюков поспешил опубликовать открытое письмо к рабочим Петрограда с горячим призывом отказаться от выступления, которое, по его терминологии, было не чем иным, как «коварным замыслом» врага.

В тот же день (10 февраля), когда Милюков уговаривал рабочих не выступать, председатель Гос. думы Родзянко в личной беседе с царем настойчиво пытался убедить его в опасности надвигающихся событий и в необходимости уступок.

«Ваше величество, спасайте себя,— говорил Родзянко.— Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно».

Уверенный в себе и в старые приемы подавления революции, «помазанник божий» отлевывается от надоевшего ему Родзянко обычной своей фразой: «Бог даст — все устроится».— «Бог ничего не даст,— отвечал, волнуясь, набожный Родзянко.— Вы и ваше правительство все испортили — революция неминуема».

Демонстрация, назначенная на 27 февраля, так напугавшая буржуазию, не состоялась. Она не удалась не потому, что рабочие вняли призывам Милюкова, а потому, что это предприятие обронцев встретило резкий отпор со стороны интернационалистских организаций, рассматривавших эту демонстрацию как поддержку требований Думы создания «ответственного министерства» и ведения войны «до полной победы». Эти требования уже не могли удовлетворить рабочих, и они не пошли за обронцами. После этого революционное брожение стало с громадной силой увеличиваться и расти с каждым днем. К началу марта оно охватило буквально всех рабочих Петрограда, стихийно выливаясь в забастовки. 8 марта в Петрограде бастовали десятки тысяч рабочих. 10 марта их уже насчитывали сотни. С первых же дней движение приняло ярко выраженный политический характер.

Как только выяснилось, что движение приняло такие широкие размеры, буржуазия, в лице Гос. думы, и от-

дельные представители старого режима стали прилагать все усилия к тому, чтобы спасти положение.

Родзянко, а за ним бывший в. к. Михаил Александрovich, председатель совета министров Голицын и другие посылают Николаю одну телеграмму за другой о серьезности положения и о необходимости, во имя спасения царизма, пойти на уступки образованием «ответственно-го министерства», чтобы положить конец начавшемуся движению. На царя эти телеграммы не производят никакого впечатления — он с тихим упрямством отмахивается от назойливых советчиков. Своему брату Михаилу он пишет в ответ, что благодарит его за совет, но здесь же самоуверенно заявляет, что он сам знает, как ему следует поступить. В собственноручно написанной телеграмме на имя кн. Голицына он сообщал, что при создавшейся обстановке он не находит возможным производить какие-либо перемены в составе Совета министров и требует подавления революционного движения и бунта среди войск.

«В эти дни,— пишет Н. Соколов, со слов некоего Дубенского,— Николай был «покоен» и ничем положительно не проявлял и тени беспокойства»¹.

11 и 12 марта весь рабочий Петроград был уже на улицах, к движению присоединилась и армия. К вечеру 12 марта столица, за исключением градоначальства, администрации, Зимнего дворца и Петропавловской крепости, находилась в руках восставших. В этот же день организовался Петроградский Совет рабочих депутатов, и одновременно с ним возник Временный комитет Государственной думы. Но царь по-прежнему не разбирается в развернувшихся событиях, не понимает, что поставлен вопрос о его собственной голове. В ответ на настойчивые просьбы командующего войсками Петроградского военного округа ген. Хабалова о присылке помощи он отдает 11 марта приказ о подавлении движения, как будто дело идет о какой-то забастовке.

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай»².

Но приказ Николая запоздал, столица уже находилась в руках восставших рабочих и солдат.

Буржуазия, став перед фактом свержения царизма, спе-

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. Берлин: Слово, 1925. С. 6.

² Падение царского режима. Т. I. С. 190.

шил захватить руководство революцией в свои руки. Важнейшей задачей для буржуазии становится вопрос о том, как бы задержать ход революции, как бы, пожертвовав Николаем, сохранить царизм.

14 марта происходит тайное совещание членов образовавшегося Временного к-та Гос. думы. Они все оказываются единодушными в своих заявлениях о том, что монархия должна быть сохранена и только Николай должен быть принесен в жертву для спасения России. Лидер октябристов А. Гучков так развивал это мнение: «Чрезвычайно важно, чтобы Николай II не был свергнут насилием. Только его добровольное отречение в пользу сына или брата может обеспечить без больших потрясений прочное установление нового порядка. Добровольный отказ от престола Николая II — единственное средство спасти императорский режим и династию Романовых»¹.

Представители буржуазии засыпали царя телеграммами с просьбами «отречься» от престола и передать его наследнику Алексею, с регентством Михаила Александровича. Теперь Николай уже не проявлял прежнего упорства, так как и для него, наконец, стало ясно, что власть не находится больше в его руках. Еще 13 марта он решил выехать из Ставки в Царское Село, к своей семье, но его поезд, по распоряжению Петрограда, не был пропущен, и ему ничего не оставалось делать, как направиться в Псков.

Между тем в Петрограде столкнулись интересы представителей Гос. думы и Совета. После совещания Временного комитета решено было от его имени послать в Ставку к царю Родзянко и Шидловского с поручением взять от Николая отречение в пользу Алексея, с назначением при нем в. к. Михаила Александровича в качестве регента. Об этом узнал Петроградский Совет, непрерывно заседавший в эти дни в Таврическом дворце. Чхеидзе от имени Совета потребовал от Комитета думы объяснений и текста выработанного им акта отречения. Ознакомившись с ним, Петроградский Совет отверг формулу передачи власти новому самодержцу и потребовал объявления республики.

Пока тянулись эти переговоры, два лидера Гос. думы — А. И. Гучков и В. В. Шульгин — днем 15 марта получили на Варшавском вокзале паровоз с вагоном и уехали в Ставку, чтобы «уговорить» Романова «отказаться» от власти.

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923. С. 355.

Комедия с отречением Николая описана Шульгиным так: «В десять часов вечера мы приехали... Через несколько путей стоял освещенный поезд... Мы поняли, что это императорский...

Сейчас же кто-то подошел...

— Государь ждет вас...

И повел нас через рельсы. Мы вошли в вагон. Это был большой вагон-гостиная. Зеленый шелк по стенам... Несколько столов... Старый, худой, высокий, желтовато-серой генерал с аксельбантами... Это был барон Фредерикс...

В дверях появился государь... Он был в серой черкеске... Лицо было спокойно...

Мы поклонились. Государь поздоровался с нами, подав руку. Движение это было скорей дружелюбно. Жестом государь пригласил нас сесть... Государь занял место по одну сторону маленького четырехугольного столика, придинутого к зеленой шелковой стене. По другую сторону столика сел Гучков. Я — рядом с Гучковым, наискось от государя. Против царя — барон Фредерикс...

Говорил Гучков. Он говорил, очевидно, хорошо продуманные слова, но с трудом справлялся с волнением. Он говорил не гладко и глухо.

Государь сидел, опершись слегка о шелковую стену, и смотрел перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и непроницаемо... Единственное, что, мне казалось, можно было угадать в его лице:

«Эта длинная речь — лишняя»...

В это время вошел генерал Рузский. Он поклонился государю и, не прерывая речи Гучкова, занял место между бароном Фредериксом и мною... В эту же минуту, кажется, я заметил, что в углу комнаты сидит еще один генерал, волосами черный, с белыми погонами... Это был генерал Данилов.

Гучков снова заволновался. Он подошел к тому, что, может быть, единственным выходом из положения было бы отречение от престола.

Гучков окончил. Государь ответил. После взволнованных слов А. И. голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой, — гвардейский:

— Я принял решение отречься от престола... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея... Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...

Последнюю фразу он сказал тише.

Государь встал... Все поднялись... Гучков передал государю «набросок». Государь взял его и вышел. Через некоторое время государь вошел снова; он протянул Гучкову бумагу, сказав:

— Вот текст...

Это были две или три четвертушки — такие, какие, очевидно, употреблялись в Ставке для телеграфных бланков. Но текст был написан на пишущей машинке...»¹

Гучков, со слов А. Блока, поразился тем, что отречение делалось так легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатление своею обыденностью, и ему пришло в голову, что он имеет дело с человеком ненормальным, с пониженной чувствительностью и сознательностью. Царь, по впечатлению Гучкова, был совершенно лишен трагического понимания событий: при самом железном самообладании можно было не выдержать, но голос у царя как будто дрогнул только тогда, когда он говорил о разлуке с сыном².

Отречение Николая, как и отказ его от первоначального своего решения отречься в пользу сына, было продиктовано, несомненно, соображениями личной безопасности.

Это можно видеть, между прочим, из письма Александры Федоровны от 4 марта (по ст. ст.) к Николаю, в постскриптуме которого она писала: «только сегодня утром мы узнали, что все передано Мише, и Бэби (так называла она сына Алексея.— П. Б.) теперь в безопасности — какое облегчение!»³

Еще до того, как стало известно об отречении Николая в пользу своего брата, П. Милюков, от имени только что образовавшегося Временного правительства, объявил на митинге в Таврическом дворце, что власть перейдет к регенту, в. к. Михаилу Александровичу, а наследником будет Алексей.

Это сообщение вызвало среди рабочих и солдат Петрограда огромное недовольство и возмущение. Оно было настолько сильно, что уже грозило вылиться в движение против самой буржуазии. Об одном из таких фактов сообщает П. Милюков в своей «Истории второй русской революции».

¹ Шульгин В. Дни. С. 175—180.

² Блок А. Последние дни императорской власти. Пб., 1921. С. 107.

³ Красный архив. Т. IV. Семейная переписка Романовых. С. 221.

«К концу дня (15 марта.— П. Б.),— пишет он,— волнение, вызванное сообщением... о регентстве в. к. Михаила Александровича, значительно усилилось.

Поздно вечером в здание Таврического дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявили, что не могут вернуться к своим частям, если П. Н. Милюков не откажется от своих слов»¹.

Напуганная нараставшей волной этого движения буржуазия поспешила сдать свои позиции.

На другой день после отречения, 16 марта, как только Гучков и Шульгин приехали в Петроград, их еще на вокзале вызвал по телефону Милюков, предложив им, от имени Временного правительства, не объявлять манифеста.

В. Шульгин так передает этот разговор:

— Да, это я, Милюков... Не объявляйте манифеста... Произошли серьезные изменения...

— Но как же?.. Я уже объявил.

— Кому?..

— Да всем, кто здесь есть... Какому-то полку, народу... Я провозгласил императором Михаила...

— Этого не надо было делать... Настроение сильно ухудшилось с того времени, как вы уехали... Нам передали текст... Этот текст совершенно не удовлетворяет... Не делайте никаких дальнейших шагов... Могут быть большие несчастья².

В то время, как происходил этот разговор, Гучков отправился объявить «радостную весть» на митинг в железнодорожные мастерские, на котором было до 2000 рабочих. Шульгин решил пойти предупредить Гучкова, но боясь, что акт отречения у него могут отнять и уничтожить, он предварительно передал его специально посланному членом Гос. думы Бубликовым человеку. Пока он его разыскивал, Гучкова арестовали рабочие железнодорожных мастерских, требуя от него уничтожения акта отречения. Акта отречения у Гучкова не нашли. Тогда под конвоем вооруженных рабочих он был направлен в вагон комиссара Северо-западных ж.-д., который, «вежливо продержав Гучкова минут двадцать», выпустил, как только рабочие успокоились.

Об этом случае, между прочим, рассказывает в своих

¹ Милюков П. История второй русской революции. Т. I. Вып. 1. С. 52.

² Шульгин В. Дни. С. 189.

воспоминаниях Ю. Ломоносов, встретившийся в тот день с Лебедевым, спасавшим акт отречения. Между ними произошел следующий разговор:

- Где же акт?
- Акт вот,— хрипло шепчет Лебедев, сую мне в руку какую-то бумагу.— Гучков арестован рабочими.
- Что?..— спросил я заплетающимся языком, сую в боковой карман тужурки акт отречения.
- В министерстве расскажу.
- Молча входим в кабинет Бубликова.
- Ну что? Как? — спрашивает Бубликов.
- Гучков арестован... Акт отречения вот...

Как ни сенсационна была весть об аресте Гучкова, глаза всех, забывая о нем, впились в положенный мной на стол кусочек бумаги.

— Да, а с Гучковым-то что? — спросил Бубликов после минуты молчания.

— Когда поезд его пришел в Петроград, его здесь встретило порядочно народу, и он еще на вокзале говорил две речи... А затем пошел на митинг в мастерские... Когда я приехал, он уже был в мастерских, а Шульгин и начальство сидели в кабинете начальника станции. Было известно, что в мастерских неспокойно. Настроение было тревожное. Затем из мастерских передали, что Гучков арестован, что акта у него не нашли и что идут обыскивать других депутатов, чтобы уничтожить акт.

- Зачем?
- Товарищи переплетчики желают низложить царя, да и все остальное, кажется... Отречения им мало.
- Ну, а потом?
- Потом мне передали акт, я потихоньку закоулками на другую сторону, да и дал тягу... Грамоту ищут по всему городу. Возможно и сюда придут. Надо спрятать.
- Положить в несгораемый шкаф. Приставить караул.
- Нет, положить в самое незаметное место... И не в этой комнате...

Акт спрятали среди старых, запыленных номеров официальных газет, сложенных на этажерке в секретарской¹.

Так, не имея возможности спасти монархию, буржуазия, в расчете на неизвестное будущее, пыталась спасти хотя бы акт отречения, который так и остался по сей день

¹ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм — Берлин, 1921. С. 28—29.

для нее потерянной грамотой. В тот же день, 16 марта, была устроена новая комедия с отречением Михаила. На ней, кроме в. к. Михаила Александровича, присутствовали члены Временного правительства: князь Львов, П. Милюков, А. Керенский, Н. Некрасов, И. Терещенко, И. Годлев, В. Львов и А. Гучков, а также члены Временного думского комитета: М. Родзянко, В. Шульгин, Н. Ефремов, М. Карапулов и другие. Совещание происходило в весьма конспиративной обстановке, так как, зная недовольство рабочих и солдатских масс, участники его не на шутку опасались за свою жизнь и за жизнь нового «помазанника».

На совещании выявились две точки зрения: одна за отречение Михаила от престола, другая против. Первую защищали М. Родзянко и А. Керенский. Оба они заявили, что объявление нового царя вызовет еще большее возмущение и недовольство в массах и неизбежно приведет к гражданской войне внутри страны. При этом они указывали, что при таких условиях принятие престола создало бы опасность и для жизни самого великого князя.

«Я не вправе скрыть здесь,— коворил Керенский в заключение своей речи, обращаясь к Михаилу,— каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Во всяком случае... я не ручаюсь за жизнь вашего высочества...»¹ Этот аргумент показался Михаилу наиболее убедительным и, как увидим дальше, решил вопрос о престоле.

П. Милюков представил вторую точку зрения и страстно возражал против отречения. В своей речи он говорил, что «хотя правы утверждающие, что принятие власти грозит риском для личной безопасности великого князя и самих министров, но на риск этот надо идти в интересах родины», так как, по его мнению, «Временное правительство одно, без монарха, является «уткой ладьей», которая может потонуть в океане народных волнений, стране при этих условиях грозит полная анархия»².

Поддержал П. Н. Милюкова один Гучков. Большинство же склонялось к необходимости отречения Михаила от престола и оставления вопроса о монархии открытым до созыва Учредительного собрания, которое и должно было, по их мнению, самостоятельно решить его. Тогда

¹ Шульгин В. Дни. С. 197.

² Милюков П. История второй русской революции. Т. I. Вып. 1.

Гучков, как пишет Палеолог, сделал последнее усилие, обращаясь лично к великому князю, взывая к его патриотизму и мужеству; он стал ему доказывать необходимость немедленно явить русскому народу живой образ народного вождя: «Если вы боитесь, ваше высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве «Регента империи» на время, пока не занят трон, или, что было бы еще более прекрасным титулом, в качестве «Протектора народа», как назывался Кромвель. В то же время вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война»¹.

Михаил оказался умнее, чем этого от него ожидали, и не решился надевать корону, боясь за свою голову. Он подписал акт отречения в том духе, как этого хотело большинство участников совещания. Составляя его, они главным образом старались оставить открытой дорогу к престолу членам династии Романовых. Но юридические тонкости им не помогли. Романовым так и не удалось вернуть потерянного престола.

Теперь, переписывая в изгнании историю старых дней, представители буржуазии сомневаются, правильно ли ими был решен этот важный вопрос о прекращении династии Романовых. Во всяком случае ими было сделано все возможное, чтобы поддержать падающую династию; и если это им не удалось, то конечно, не их в том вина. Даже Николай в своем прощальном обращении к армии, датированном им 21 марта, ничего, кроме благодарности, не мог высказать буржуазии за ее старания. Указывая в обращении, что власть им передана, он писал: «Повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников и да поможет ему (Врем. правительству) бог вести Россию по пути славы и благодеяния»².

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 363—364.

² Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 7.

ГЛАВА III

Арест Романовых

В то время как Гучков и Милюков на коленях упрашивали Михаила «восприять верховную власть», Исполнительный комитет Петроградского Совета на своем заседании 16 марта (н. ст.) постановил предложить Временному правительству совместно с Советом рабочих депутатов «арестовать династию Романовых».

Вопрос о том, как произвести аресты, было поручено разработать Военной комиссии Совета. Для переговоров с Временным правительством Исполнительный комитет выделил председателя Чхеидзе и Скobelева. В течение четырех дней Временное правительство отмалчивалось, не решаясь дать окончательного ответа Совету. В то же время рабочие и солдатские массы, недовольные медлительностью, требовали все настойчивее проведения в жизнь постановления об аресте. 19 марта Исполнительный комитет принужден был снова поставить этот вопрос и, чтобы как-нибудь воздействовать на Временное правительство, принял решение «немедленно сообщить Военной комиссии при Совете рабочих и солдатских депутатов о принятии мер к аресту Николая Романова».

Это подействовало на Вр. правительство. Оно, опасаясь самостоятельных шагов Совета, на другой же день, 20 марта, постановляет «лишить свободы Николая и его супругу».

Такой шаг со стороны Вр. правительства был вызван все же не столько давлением Совета, сколько желанием сохранить голову коронованному дегенерату. Лучше всего об этом свидетельствует Керенский, который говорит: «Настроение солдатских масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебно Николаю. Раздавались требования казни его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени Правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роли Марата... Самая сила злобы рабочих

масс лежала глубоко в их настроениях...» Вот причина, побудившая Временное правительство лишить свободы царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая их свободы, создавало этим охрану их личности.

О том же говорит и князь Львов, бывший в то время министром-председателем: «Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока»¹.

21 марта в Могилев, где находился в то время бывший царь, прибыли представители Временного правительства — члены Государственной думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. Они объявили Николаю через генерала Алексеева, что он арестован и должен выехать в Царское Село, где жила в то время бывшая царица с семьей. В дни переворота дети Романовых были больны корью, и это обстоятельство лишило Александру Федоровну возможности находиться в критический для династии момент с Николаем. Имея большое влияние на него во всех государственных делах, она вряд ли дала бы ему возможность так легко расстаться с короной. Как и Николай, она до самого последнего момента плохо разбиралась в событиях. Указания ее приближенных, что начавшееся движение грозит существованию самодержавия, она неизменно отклоняла, как вздорные, не заслуживающие внимания слухи. Даже перед лицом фактов она упорно не хотела верить в возможность революции. «Когда камердинер Волков, — пишет Соколов, — указал, что даже казаки в Петрограде ненадежны, она спокойно ответила: «Нет, это не так. В России революции быть не может. Казаки не изменят»².

Также она не верила сообщениям об отречении Николая.

В. к. Павел Александрович рассказывает, что еще 16 марта она ничего не знала об этом факте, и когда он прочел ей манифест об отречении, то Александра Федоровна восхликала:

— Не верю, все это — враки. Газетные выдумки. Я верю в бога и армию. Она нас еще не покинула.³

Еще некоторыми днями раньше, в надежде на того же бога и армию, она пыталась проехать к мужу в Ставку.

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 11—12.

² Там же. С. 9.

³ Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). С. 145.

Но вокзалы находились в руках восставших солдат той самой армии, на которую она возлагала надежды, и ей не удалось встретиться с Николаем, чтобы лично на него воздействовать. Тогда она шлет ему телеграмму за телеграммой, но последние ей возвращаются обратно с надписью синим карандашом: «Местопребывание адресата неизвестно».

Наконец 22 марта сам адресат привозится в Царское Село.

Содержание Романовых под арестом в Царском Селе еще ни в какой мере, понятно, не устранило опасности для жизни «помазанника» и его семьи. Это очень хорошо понимало и само Временное правительство. Как мы сейчас увидим, постановление о лишении свободы Романовых связывалось им с более широким планом. Еще до принятия этого решения Милюков, по поручению Временного правительства, ведет переговоры с английским послом Бьюкененом о возможности выезда бывшего царя в Англию. Бьюкенен, после соответствующего запроса Лондона, сообщил, что его правительство согласно принять бывшую царскую семью в Англию и что для перевозки ее будет прислан английский крейсер.

В специальной ноте, посланной Бьюкененом министру иностранных дел, между прочим, говорилось, что «король и правительство его величества будут счастливы предоставить императору России убежище в Англии»¹.

Переправить через границу семью было поручено Керенскому, который охотно согласился взять на себя роль спасителя последнего царя. Вся эта подготовка к увозу Романовых за границу велась в строгой тайне, о ней знали лишь очень немногие. Актом же об аресте Временное правительство хотело усыпить бдительность масс, поставив их перед свершившимся фактом. В тот день, когда вынуждилось постановление о лишении свободы бывшего царя и его жены, князь Львов, глава правительства, послал в Ставку, генералу Алексееву, следующую телеграмму: «Временное правительство постановило предоставить бывшему императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск»².

Неизвестно, ожидал ли обещанный крейсер в Мурман-

¹ Керенский А. Издалека (сб. статей). Париж, 1922. С. 191.

² Русская летопись. Кн. 5.

ском порту коронованных беглецов, но последним так и не удалось воспользоваться услугами английских джентльменов.

В ночь на 22 марта Исполком петроградского Совета, получив сведение, что правительство намеревается тайно «эвакуировать» Николая с семьей в Англию, решает во что бы то ни стало арестовать последних, хотя бы это и грозило разрывом сношений с Временным правительством. Немедленно во все города Исполкомом были разосланы радиотелеграммы с предписанием задержать Николая Романова. Кроме того было издано распоряжение о занятии войсками, верными Совету, всех вокзалов, а на ст. Царское Село, Тосно и Званка были командированы комиссары с чрезвычайными полномочиями. Чтобы в дальнейшем предохранить страну от подобных попыток увоза Романовых за границу, Совет наметил местом водворения Николая Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Один из эсеровских деятелей Февральской революции С. Мстиславский так изображает эту страницу русской революции:

«На заседании Совета (22 марта) председатель его, Чхеидзе, ставит на голосование вопрос:

— Допустить ли отъезд царской фамилии. Кто против?

Как одна, поднялись дружным, нервным взметом руки.

— Но если так, надо принять меры к тому, чтобы подобные покушения стали раз навсегда невозможны: ведь Временное правительство может повторить при первом удобном случае попытку. Республика должна быть обеспечена от возвращения Романовых на историческую арену. Стало быть, «опасные» должны быть в руках непосредственно у Петроградского Совета...

Снова никаких разногласий¹.

В заключение было решено послать в Царское Село отряд семеновцев и пулеметчиков во главе с Мстиславским.

Петроградский Совет верно определил положение с охраной Романовых: она была в ненадежных руках. Временное правительство «возложило» ее на известного генерала Корнилова, бывшего в то время командующим войсками Петроградского округа.

Приехав в Царское Село, уполномоченные Совета встретили решительный отпор со стороны «местных властей».

¹ Мстиславский С. Пять дней. М., 1922. С. 45.

Последние отказались выдать Николая, считая своей обязанностью исполнять распоряжение ген. Корнилова, приказавшего не выдавать его. Но сам Мстиславский был уже дален от этой мысли. Боевое настроение, с которым он приехал с заседания Совета, прошло, и полномочный «эмиссар» ограничивается «договором» с охраной — поверкой постов и выключением телефонов и телеграфов. Однако уехать из Царского, не увидев Романова, неудобно, и Мстиславский требует предъявления ему «арестованного». Попасть в Александровский дворец к «заключенным» Романовым было нелегко. Туда впускали только по именным пропускам-приказам того же генерала Корнилова. После долгих переговоров с офицерами охраны, пытавшимися отговорить его от такой «чрезвычайной меры», был, наконец, вызван главный церемониймейстер граф Бенкендорф. Стариk оказался упрямее офицеров и прямо заявил, что бунтовщикам императора не покажет. Настойчивость Мстиславского и реальная сила отряда, приехавшего из Петрограда, заставили «верноподданных» пойти на уступки и согласиться на «проверку».

«На «предъявление» со мной пошли,— пишет Мстиславский,— начальник внутреннего караула, батальонный, дежурный по караулу, рунд... Когда, сквозь распахнувшуюся, наконец, с ворчливым шорохом дверь, мы вступили в вестибюль, нас окружила — почтительно, но любопытно,— фантастической казавшаяся на фоне «простых» переживаний революционных этих дней, толпа придворной челяди. Огромный, тяжелый, как площадной Александр Трубецкого, гайдук, в медвежьей, чаном, шапке; скороходы; придворные арапы, в золотом расшитых малиновых бархатных куртках, в чалмах, острыми носами загнутых вверх туфлях; выездные — в треуголках, в красных, штампованными императорскими орлами отороченных, пелеринах. Бесшумно ступая мягкими подошвами лакированных полусапожек, в белоснежных гамашах, побежали перед нами вверх, по застланным коврами ступеням, лакеи внутренних покоев... Все по-старому: словно в этой, затерянной среди покоев дворцовой громаде не прозвучало даже дальнего отклика революционной бури, прошедшей страну из конца в конец. И когда, поднявшись по лестнице, мы «следовали» сквозь гостиные, «угловые», «банкетные», переходя с ковров на лоснящийся паркет и вновь коврами глуша дерзкий звон моих шпор,— мы видели у каждой двери застывшими парами лакеев в различнейших, сооб-

разно назначению комнаты, к которой они приставлены, костюмах: то традиционные черные фраки, то какие-то кунтуши... белые, черные, красные туфли, чулки и гамаши... А у одной из дверей — два красавца лакея в нелепых малиновых повязках, прихваченных мицурным аграфом на голове, при фраке, в белых чулках и туфлях...

В верхнем коридоре (под стеклянной крышей), обращенном в картинную галерею, нас ожидала небольшая кучка придворных во главе с Бенкендорфом. Придворные были в черных, наглухо застегнутых сюртуках. Шагах в шести — восьми от места нашей встречи со свитой коридор пересекался накрест другим: по нему-то и должен был выйти ко мне бывший император.

Я стал посредине коридора: правее меня Бенкендорф, по левую руку Долгоруков и еще какой-то штатский, которого я не знал в лицо. Несколько отступя, сзади стояли пришедшие со мной офицеры...

Где-то в стороне певуче щелкнул дверной замок. Бенкендорф смолк и задрожавшей рукой расправил седые бакенбарды. Офицеры вытянулись во фронт, торопливо застегивая перчатки. Послышались быстрые, чуть призывающие шпорой шаги.

Он (Романов) был в кителе защитного цвета, в форме лейб-гусарского полка, без головного убора. Как всегда, подергивая плечом и потирая, словно умывая, руки, он остановился на перекрестьке, повернув к нам лицо — одутловатое, красное, с напухшими, воспаленными веками, тяжелой рамой окаймлявшими тусклые, свинцовые, кровяной сеткой прожилок передернутые глаза. Постояв, словно в нерешительности, потер руки и двинулся к нашей группе. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрели в упор в глаза друг другу, сближаясь с каждым его шагом. Была мертвая тишина. Застылый, желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд императора вдруг оживился: в глубине зрачков словно огнем полыхнула растопившая свинцовое безразличие их яркая, смертная злоба.

Николай приостановился, переступил с ноги на ногу и, круто повернувшись, быстро пошел назад, дергая плечом и прихрамывая.

Я выпростал засунутую за пояс правую руку, приложил ее к папахе, прощаясь с придворными, и, напутствуемый шипением брызгавшего слюной Бенкендорфа, двинулся в обратный путь. Мои спутники подавленно молчали. И только в вестибюле один из них, укоризненно качнув

головой, сказал: «Вы напрасно не сняли папахи: государь, видимо, хотел заговорить с вами, но когда он увидел, как вы стоите...»

А другой добавил: «Ну, теперь берегитесь. Если когда-нибудь Романовы опять будут у власти, попомнится вам эта минута: на дне морском същут...»¹

Меньшевики и эсеры, руководящие в то время Петроградским Советом, как всегда оказались верными самим себе: громкие слова о водворении Николая в Трубецкой башне Петропавловской крепости, боевой план поездки в Царское Село и... поверка арестованного царя в его дворце.

Но все же содержание Романовых под арестом находилось с этого времени под некоторым контролем Петроградского Совета.

Правительство должно было считаться с действиями Совета и временно отказаться от выполнения своего намерения вывезти Романовых в Англию.

---

¹ Мстиславский С. Пять дней. С. 57—60.

ГЛАВА IV

В старом гнезде

С 22 марта вся семья находилась под «арестом» в Александровском дворце Царского Села, бывшего постоянным местопребыванием царской фамилии в предреволюционные годы.

Царское Село (ныне — Детское Село) — небольшой городок километрах в 20 к югу от Петрограда. Здесь находится большой дворец, где жила Екатерина II, и вблизи него, в парке — Александровский дворец. Царская семья занимала один из дворцовых флигелей, а главный корпус, где помещались парадные залы, был свободен. Свита разместилась также в одном из флигелей. Вместе с бывшей царской семьей остались разделить заключение граф и графиня Бенкендорф, фрейлина баронесса Буксгевден, графиня Гендрикова, чтица Шнейдер, граф Фредерикс, князь Долгоруков (обер-гофмаршал двора), учителя Жильяр и Гиббс, доктор Боткин и другие.

Водворение Романовых в царскосельское заключение мало успокоило широкие рабочие и солдатские массы. Они по-прежнему настаивали на более суровом отношении к бывшей царской семье, как на лучшем обеспечении революции от возможных попыток монархической реставрации. «Смертная казнь Николая II и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или в Кронштадт,— пишет Керенский в своих воспоминаниях,— вот яростные, иногда исступленные, требования сотен всяческих делегаций, депутатий и резолюций, явившихся и предъявлявшихся Временному правительству и в частности мне, как ведавшему и отвечавшему за охрану и безопасность царской семьи¹. Понятно, что Временное правительство и сам «социалист» Керенский были глухи к подобным требованиям масс, и более того: после формального своего отказа вывезти Романовых за грани-

¹ Керенский А. Издалека. С. 187.

цу Временное правительство продолжало через Милюкова тайно вести дипломатические переговоры с английским правительством по тому же вопросу. Когда Милюков в апреле ушел в отставку, то, по словам Керенского, переговоры о вывозе обитателей Александровского дворца в Англию «продолжались еще с большей настойчивостью его заместителем М. И. Терещенко¹». Однако в июне Временное правительство постигло неожиданное разочарование: лондонский кабинет официально уведомил его, что до окончания войны выезд бывшего царя и его семьи в пределы Британской империи невозможен. По-видимому, Романовы были в курсе всех этих закулисных переговоров, но чем дальше велись переговоры, тем все меньше они надеялись увидеть заманчивые берега Англии. В своих воспоминаниях Жильяр пишет: «Мы думали, что наше заключение в Царском Селе будет непрородолжительным, и ждали отправления в Англию. Но дни проходили, а наш отъезд все откладывался... Мы были всего только в нескольких часах езды от финляндской границы, и Петроград был единственным серьезным препятствием, а потому казалось, что, действуя решительно и тайно, можно было бы без большого труда достичь одного из финляндских портов и вывезти затем царскую семью за границу. Но никто не хотел брать на себя ответственность, и каждый боялся себя скомпрометировать².

В ожидании поддержки от «верных и преданных» жизнь Романовых протекала однообразно. Под конвоем солдат охраны дворца — запасных частей 1, 2 и 4 гвардейских полков — члены семьи два раза в день: утром — от 11 до 12 час. и днем от 2¹/₂ до 5 час. ходили на прогулку. Для развлечения они пилили дрова, кололи лед, убирали снег, а весной и летом занимались в огороде.

Особых стеснений во внутренней жизни не было установлено. Ограничения были только во дворе и в саду дворца, где заключенным шага не давали шагнуть дальше назначенного для прогулок места.

Новая обстановка мало отразилась на настроении Николая, — он, как и в момент отречения от престола, производил впечатление человека с явно пониженною чувствительностью и сознательностью. Палеолог, со слов лиц,

¹ Керенский А. Издалека. С. 192.

² Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии (воспоминания). Ревель, 1921. С. 45.

весьма осведомленных о состоянии заключенных, записал 11 апреля в свой дневник: «Император все еще необычайно индифферентен и спокоен. С спокойным, беззаботным видом он проводит день за перелистыванием газет, за курением папирос, за комбинированием пасьянсов или играет с детьми. Он как будто испытывает известное удовольствие от того, что его освободили, наконец, от бремени власти»¹.

Жизнь дворца разнообразилась посещениями Керенского, который приезжал для проверки постов охраны и беседы с бывшим царем и его женой. По свидетельству оставшихся в живых приближенных Романовых, он проявлял большую заботливость к заключенным, справляясь каждый раз у них о здоровье и о том, не терпят ли они каких-либо стеснений, оскорблений от солдат и т. п. От его посещений, которых было около 8—10, у всей царской семьи и ее свиты остались самые лучшие воспоминания. Даже Александра Федоровна, которая держалась очень надменно и относилась с презрением ко всем окружающим, и та, по словам камердинера Волкова, как-то говорила ему лично про Керенского: «Он ничего. Он славный человек. С ним можно говорить»². Но скоро наступило окончание дружеской идиллии, установившейся между «царственными узниками» и первым «министром-социалистом».

Наступили события начала июля. Они непосредственно не отразились на жизни дворца. Она по-прежнему текла тихо и мирно. Но, несмотря на подавление июльского выступления, общеполитическое положение в стране все более и более принимало угрожающий характер для Временного правительства, а вместе с тем и для Романовых.

«Летом, в первой половине июля,— пишет Львов,— правительство пришло к убеждению, что нахождение царской семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным, страна явно шла под уклон...»

Озабоченное сохранением царской семьи, Временное правительство решает вывезти ее из Царского в более укромное место, подальше от большевистских Питера и Кронштадта.

Необходимость принятия такой меры приобретала в глазах Временного правительства тем большую настоятельность, что начавшееся «разложение» в армии косну-

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 422—423.

² Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 21.

лось и царскосельского гарнизона. «Царское было для нас, для Временного правительства, — пишет Керенский, — самым больным местом. Они (большевики. — П. Б.) усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их. Настроение солдат было напряженно-недоверчивое. Из-за того, что дежурный офицер, по старой традиции дворца, получал из царского погреба полбутылки вина, о чем узнали солдаты, вышел большой скандал. Неосторожная езда какого-то шоferа, повредившего ограду парка автомобилем, также вызвала среди солдат подозрения и толки, что царя хотели увезти. Все это создавало дурную атмосферу... отнимало у нас реальную силу — царскосельский гарнизон, в котором мы видели опору против разложившегося уже Петрограда»¹.

Но главным мотивом увоза семьи Романовых из Царского все же были не эти опасения. На это между прочим указывает в своих воспоминаниях Жильяр, который пишет, что когда Керенский объявил Николаю о решении Временного правительства, то объяснил ему, что необходимость переезда вызывается тем, что Правительство решило принять самые энергичные меры против большевиков; в результате, по его словам, неминуемо должны были произойти вооруженные столкновения, в которых первой жертвой могла бы оказаться царская семья; а потому он, Керенский, считал своим долгом обезопасить ее от всех возможных случайностей². Последующие события в Петрограде отчасти подтверждают это.

Местом, куда должен был быть перевезен Николай, Временное правительство избрало Тобольск. Удаленность его от главных центров политической борьбы делала его наиболее удобным местом, где Романовы могли бы спокойно жить в надежде на лучшие времена. Правда, сами Романовы предпочитали юг далекой холодной Сибири, и в один из приездов в Царское Керенского они поставили вопрос о переезде их в Крым (Ливадию). Керенский ответил, что в настоящий момент это совершенно невозможно. Понятно, что он отказывал Романовым в их просьбе не потому, что он сам лично не хотел этого, а потому, что этого не допустили бы рабочие и солдаты. Намечая Тобольск, куда в течение многих лет сами Романовы ссылали на верную смерть революционеров, Временное правитель-

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 24—25.

² Жильяр П. Трагическая судьба... С. 52.

ство еще могло надеяться, что массы не воспрепятствуют осуществлению его намерения. По-видимому, этот мотив играл не последнюю роль в решении отправить царскую семью именно в Тобольск.

В первых числах августа в Царское приехал Керенский и устроил совещание с представителями охраны по вопросу о вывозе семьи. Совещание было обставлено весьма конспиративно; о решениях его знал лишь очень ограниченный круг лиц. На совещании были выделены три роты в 330 человек (при 6 офицерах) исключительно почти из младшего командного состава — фронтовиков и георгиевских кавалеров. Этот отряд был заново обмундирован, снабжен новыми винтовками и лично осмотрен Керенским, обещавшим выдавать всем участникам его особые командировочные деньги за все время командировки, о цели которой никому не говорилось. Начальником отряда был назначен комендант охраны полковник Кобылинский. Последний своей фигурой еще раз подчеркивает, как мало внимания уделяло Временное правительство охране семьи Романовых, фактически предоставляя им возможность бежать из Тобольска.

Жильяр, хорошо знавший Кобылинского и обстановку, в которой ему пришлось работать, пишет в своих воспоминаниях: «Никто не подумал, что несмотря на революцию и состоя, якобы, в противном лагере, он продолжал служить государю императору верой и правдой, терпя грубости и нахальство охраны. Кобылинский сделал для царской семьи все, что мог, и не его вина, если недальновидные монархисты-организаторы не обратились к нему — единственному человеку, который имел полную возможность организовать освобождение царской семьи и ждал только помощи извне, которой он сам не мог призвать, так как был под постоянным надзором враждебно настроенных солдат»¹.

Служа «верой и правдой», Кобылинский скоро завоевал расположение к себе царской семьи, которая видела в нем больше своего человека, чем коменданта охраны. Перед отъездом Николай с признательностью записал в свой дневник: «Кобылинский мой лучший друг».

12 августа царской семье было объявлено об отъезде. Ночью приезжали Керенский и Михаил Александрович для прощания. Керенский напутствовал солдат конвоя при-

¹ Жильяр П. Трагическая судьба...

личествующей слушаю речью. «Помните,— между прочим, сказал он,— лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не хамами. Не забывайте, что это бывший император. Ни он, ни семья ни в чем не должны испытывать лишений»¹.

Утром 14 августа царская семья была перевезена на автомобилях под конвоем драгун 3 Прибалтийского полка на станцию Александровская. В тот же день два поезда под японским флагом повезли царя и охрану в Сибирь. «Японская миссия Красного Креста»,— так значилось на роскошных «международных» вагонах поезда, бешено мчавшегося к Уралу.

Вместе с царской семьей поехали: князь Долгоруков, Татищев, доктор Боткин, преподаватель Жильяр и графиня Гендрикова. Кроме того Романовыми была взята с собою многочисленная прислуга,— начиная от камердинера Николая и кончая поваренком,— в количестве 35 человек. По рангам и профессиям они распределялись так: 3 камердинера, 8 лакеев, 3 повара, 1 поваренок, заведующий погребом, 3 кухонных служителя, официант, 3 прислуги, 2 комнатных девушки, 2 няни, 2 служителя, писец, парикмахер, гардеробщик, чтица и воспитательница. Кажется, история не знала ни одного преступника, который распологал бы в заключении таким громадным штатом прислуги, какой был предоставлен Николаю с личного согласия Керенского. Поистине лакейское почтение питал этот мелкобуржуазный революционер к злайшему врагу народа.

В дороге царскую семью сопровождали два представителя Временного правительства — Макаров и Вершинин. Были приняты все меры к тому, чтобы «путешествие» закончилось без инцидентов. Станции, где останавливались поезда, на большом расстоянии оцеплялись войсками местных гарнизонов, и вся публика и лишние служащие на это время удалялись. Во все время стоянок никого из вагонов не выпускали.

Несмотря на все предосторожности, на двух станциях поезд был все же остановлен для выяснения назначения. На станции Званка местные железнодорожные рабочие потребовали выяснения, кто следует в специальном поезде. Узнав, они спокойно пропустили его дальше. В Перми на вокзал к поезду явились представители местной власти с требованием к уполномоченным Временного правитель-

¹ Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин. С. 56.

ства предъявить документы и сообщить, по каким нарядам идут поезда и кого в них везут. Документы за подписью Керенского в Перми подействовали, и поезда так же спокойно продолжали свой путь.

Вечером 17 августа поезда прибыли в Тюмень, и Романовы сразу были переведены на пристань р. Тобола, где прихода эшелонов ждали уже 3 парохода: два больших — «Русь» и «Кормилец» — и один буксирный.

Офицеры местного гарнизона, во главе с начальником гарнизона, устроили для прибывших целый парад. Выстроившись у входа на пристань, они при выходе из вагона бывшего царя и его семьи приветствовали их отдаием чести.

Царская семья и часть охраны были размещены на пароходе «Русь», остальная охрана на «Кормильце»; буксир же служил для поддержания связи.

К утру был выгружен на пароходы багаж семьи, и в 5 часов утра 18 августа пароходы отправились в Тобольск, вниз по реке Тоболу. На пути лежало село Покровское, родина «друга» царской семьи — Григория Распутина. Дом старца и по величине и по отделке — городской — выделялся из обыкновенных изб села и хорошо был виден с реки. Царская семья, проезжая мимо, собираясь на борту парохода и оживленно делилась воспоминаниями о покойном «друге».

К Тобольску пароходы прибыли вечером 19 августа. Помещение для бывшего царя и охраны ремонтировалось, и семье пришлось пробыть несколько дней на пароходе.

Пользуясь неожиданной остановкой, вежливые уполномоченные Временного правительства устроили увеселительную прогулку в Абалакский монастырь, находящийся вверх по реке, немного выше Тобольска. Здесь для семьи служили специальное богослужение, на котором она присутствовала, окруженнная плачущими и вздыхающими богомольцами.

Только 26 августа началась выгрузка на берег.

ГЛАВА V

В тобольском заключении

Стариннейший город Западной Сибири — Тобольск с давних пор служил одним из таких «отдаленных» мест, куда русские цари ссылали придворных, замешанных в дворцовых интригах и переворотах, а в ближайшее к нам время — лучших представителей рабочего класса.

Тобольск стоит на месте слияния рек Тобола и Иртыша. Отсюда открывается прямой водный путь на Обдорск и дальше в Ледовитый океан. Летние пути сообщения по суше здесь плохи — тундра, болота, но зимний путь на оленах открывает широкую возможность сообщений с городами Сибири. С ближайшей жел.-дор. станцией Тюмень город связан летом довольно хорошим водным сообщением, зимой же отдален от нее сотнями километров санного пути.

Довольно бойкий торговый пункт — перевал от фабричной промышленности к пушнине и рыбе дальнего Севера — Тобольск в политическом отношении всегда был отсталым и реакционным центром.

После Февральской революции здесь, как повсюду в России, образовался Совет депутатов. В нем преобладали эсеры и меньшевики, в большинстве местные ссыльные, по разным причинам застрявшие в Тобольске. Совет не имел большого влияния, и фактически власть была полностью в руках губернского комиссара Временного правительства и городской думы.

Летом 1917 г. перед приездом Романовых в городе существовала объединенная с.-д. организация, которая вела небольшую работу среди полупролетарского ремесленного населения. Большевиков же в Тобольске почти не было, и лишь к августу им удалось сколотить небольшую ячейку.

С приездом семьи Романовых и отряда охраны Совет и «местная власть» стушевались: всем и всему тон стали задавать те, которые были ближе к делу охраны бывшего царя.

Семья Романовых заняла большой и просторный бывший губернаторский дом на улице Свободы, получившей такое название после переворота. Приехавшие с ней «свитские» поместились напротив, в бывш. доме купца Корнилова.

В первый же день пребывания семьи в Тобольске произошел инцидент, сразу обостривший отношения между охраной и заключенными. Днем вся семья со «свитой» и с представителями Временного правительства Вершининым и Макаровым, без всякой охраны, ушли в дом Корнилова, где и пробыли довольно долго, осматривая помещение дома. В связи с этим состоялось собрание отряда. На нем от Вершинина и Макарова потребовали объяснений, почему они разрешили свободные прогулки бывш. царской семье. Испугавшиеся представители Временного правительства оправдывались, ссылаясь на инструкцию, утвержденную Правительством, об охране бывш. царя и его семьи. В их объяснении сущность инструкции сводилась к охранению семьи Романовых исключительно лишь в целях их личной безопасности, а не как арестованных. Среди солдат охраны это вызвало сильное недовольство. Вынесено было постановление — с инструкцией Временного правительства не считаться. Вершинину и Макарову было предложено заключить Николая Романова под строгий надзор охраны, для чего кругом дома и внутри поставить часовых, ночью выставлять добавочные посты и назначать три смены патрулей для обхода прилегающих к губернаторскому дому улиц. Кроме того, решено было немедленно приступить к постановке высокого забора около дома и огородить место, куда Николай и его семья могут выходить гулять два раза в день: от 10 до 12 и от 2 до 4 часов. Далее постановлено было предоставить Романовым право раз в неделю посещать под конвоем церковь под названием «Покрова богоородицы», расположенную вблизи дома.

Требования, предъявленные общим собранием, были приняты представителями Временного правительства, и в тот же день было приступлено к постройке забора и выставлены караулы.

Вершинин и Макаров, пробыв в Тобольске еще два-три дня, уехали обратно в Петроград. Вскоре после их отъезда прибыл в отряд новый назначенный комиссар Временного правительства — эсер Панкратов. С 1 сентября вся охрана перешла в его ведение, ему же подчинялся и полковник Кобылинский. Свою роль комиссара Панкра-

тов понимал довольно своеобразно. В этом отношении очень характерна его первая встреча с царской семьей, им лично описанная.

«2 сентября,— повествует он,— я отправился в губернаторский дом. Не желая нарушать приличия, я заявил камердинеру бывшего царя, чтобы он сообщил о моем прибытии и что я желаю видеть бывш. царя...

— Здравствуйте,— сказал Николай Александрович, протягивая мне руку,— благополучно доехали?

— Благодарю вас, хорошо,— ответил я, протягивая свою руку.

— Как здоровье Александра Федоровича Керенского? — спросил бывший царь.

В этом вопросе звучала какая-то неподдельная искренность, соединенная с симпатией и даже признательностью. Я ответил на этот вопрос коротким ответом и спросил о здоровье бывшего царя и всей его семьи.

— Ничего, слава богу,— ответил он.

После такого обмена взаимными приветствиями и справками о здоровье беседа перешла на «деловые» вопросы.

— Не можете ли вы разрешить мне пилить дрова? — вдруг заявил он.— Я люблю такую работу.

— Быть может, желаете столярную мастерскую иметь? Эта работа интереснее,— предложил я.

— Прикажите лучше привезти к нам на двор лесу и дать пилу,— возразил Николай Александрович.

— Завтра же все это будет сделано.

— Могу ли я переписываться с родными?

— Конечно. Имеются ли у вас книги?

— Даже много, но почему-то иностранные журналы мы не получаем, разве это запрещено нам?

— Это, вероятно, по вине почты. Я наведу справки. Во всяком случае ваши газеты и журналы не будут задерживаться!

— Не будет ли зимой здесь холодновато жить, зал большой? — заметил бывший царь.

— Надо постараться, чтобы этого не было. Придется все печи осмотреть, исправить. А топлива здесь достаточно,— ответил я...

— Если у вас будут какие-либо заявления, можете обратиться ко мне,— сказал я, уходя»¹.

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске//Былое. 1924. № 25. С. 199—200.

Заботливость и предупредительность, проявленная новым комиссаром в первой встрече, не была случайной. Такое отношение к заключенным стояло в полном соответствии и с инструкцией Временного правительства, и с на-путственными словами самого Керенского отряду при отъезде в Тобольск. За время своего пребывания комиссаром Панкратов добросовестно проводил директиву своего коллеги по партии. Правда, в своем усердии он далеко опередил последнего в лакейской предупредительности и услужливости, так что трудно было иногда отличить в нем комиссара Временного правительства от старшего дворецкого или кого-либо другого из близких Романовых.

Некая Эрсберг, бывшая вместе с царской семьей в Тобольске, так говорит о нем: «Он был человек добный и сердечный. Он хорошо относился к ним и, как заметно было, жалел их. Особенно он любил Марию Николаевну. Однажды она зашибла себе глаз: упала... Он, услыхав об этом, сейчас же прибежал и заметно беспокоился из-за этого. Так же он относился к болезням Алексея Николаевича. Он и к государю относился внимательно. Иногда он приходил к нам и любил рассказывать княжnam и Алексею Николаевичу о своей ссылке в Сибирь. Они любили его слушать»¹.

Под недреманным оком такого «доброго и сердечного» комиссара жизнь царской семьи, окруженной заботами многочисленной челяди и самого комиссара, проходила спокойно и чинно по заведенному распорядку. Недостатка в средствах семья не ощущала, так как Романовы в то время могли свободно распоряжаться своими громадными средствами, находившимися в банках. По самому скромному подсчету они определялись более чем в 14 млн. руб. Это давало возможность недурно жить не только самой семье, но и всей многочисленной прислуге, приехавшей с ними.

Один из солдат охраны, П. М. Матвеев, так свидетельствует об этом благополучии: «Все продукты для Романовых закупались на базаре. В тех же случаях, когда на базаре каких-либо продуктов не имелось, как например сахару, то это с избытком пополнялось приношениями монашek окрестных монастырей. За честь выпить стакан кофе на кухне бывшего царя эти чернохвостницы из отдаленных монастырей приносили Романовым в неисчисли-

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 32.

мом количестве свои подарки в виде сахара, масла, сливок, яиц и проч. снеди; об уплате за эти продукты не могло быть и речи»¹.

Не забывали Романовых и их «друзья», оставшиеся на свободе, присыпая им регулярно деньги и разного рода посылки.

Поддерживая тесную связь со своими «друзьями», Романовы в свою очередь не забывали их. В переписке между Александрой и Вырубовой почти в каждом письме встречаем: «Посылаю макароны, колбасу, кофе — хотя и пост теперь». «Посылаю еще муки; надеюсь, съедобное, которое я посылаю тебе через Лошкаревых и Крауп»... и т. д.² Это показывает, что связь семьи с центром, куда ездили специальные «курьеры-добровольцы», отвозившие почту и посылки, была весьма хорошо налажена. Об этом можно, между прочим, судить из следующего случая. Как-то в Тобольск в адрес Романовых прибыл груз в несколько ящиков. Полковник Кобылинский предложил солдатам отряда, за особую плату, произвести выгрузку ящиков. На прибывших нескольких тяжелых ящиках были пометки: «посуда», «теплые вещи», «фрукты» и т. д. При перегрузке один из этих ящиков разбился. В нем оказалось 20 четвертей спирта. Солдаты охраны тогда решили вскрыть и другие. В одном из них оказался также спирт, а в остальных вино. Это вызвало возбуждение среди солдат охраны и местных тобольских жителей. Все вино и спирт тут же на пристани были вылиты в Иртыш.

Романовы этим остались весьма недовольны, хотя, по словам охраны, недостатка в спиртных напитках у них не было, и за обедом всегда подавалось вино, а для Николая — графинчик с водкой.

«Друзья» заботились также и о «духовной пище» заключенных, снабжая их книгами, журналами и газетами.

«Кроме русских газет, Николай получал английские, французские газеты и журналы. Кто-то, очевидно зная вкус бывшего царя, присыпал ему довольно веселые журнальчики»³.

Днем семья проводила время в прогулках во дворе дома; играли в городки или занимались пилкой дров, для

¹ Из неизданной рукописи П. М. Матвеева, Царское Село — Тобольск — Екатеринбург.

² Вырубова. Записки. С. 162.

³ Панкратов В. С царем в Тобольске//Былое. 1924. № 25. С. 209.

чего были куплены пилы и топоры и на двор им возились дрова.

«Вечером,— пишет Жильяр,— все приближенные собирались в кругу царской семьи... Устраивались игры и всячески старались найти способ рассеять как-нибудь узников в тяжелом однообразии их жизни. Император часто читал вслух, в то время как великие княжны работали над каким-нибудь рукоделием или же играли с нами. Императрица обыкновенно играла одну или две партии в бэзик с генералом Татищевым, а затем бралась в свою очередь за работу или же лежала, вытянувшись в кресле. И в такой-то мирной, чисто семейной обстановке,— заключает Жильяр,— мы проводили долгие зимние вечера»¹.

Как видим, в тобольской ссылке жилось не худо. Все оставшиеся в живых приближенные Романовых, бывшие с ними, отмечают, что первые полтора-два месяца пребывания в Тобольске были лучшими для царской семьи за все время их заключения. По их же словам, условия заключения в достаточной мере походили на царскосельские и заключенным предоставлялось все необходимое.

Если бы солдаты охраны в первый же день не ограничили территорию для бывшего царского «двора» двором дома, то пребывание Романовых в Тобольске мало походило бы на заключение арестованных. Они могли бы коротать дни в надежде на освобождение гораздо лучше, чем в Царском Селе.

Николай и его семья лично и через своих приближенных проявляли большую настойчивость, чтобы им разрешили не только посещение церкви, чего они добились, но и прогулки по городу и в окрестностях. Они неоднократно обращались с такого рода настойчивыми просьбами к Панкратову. Лично сам он ничего не имел против таких прогулок, но ему приходилось считаться с враждебным настроением солдат охраны и местного населения ко всякого рода смягчениям режима заключенных. Это было главной причиной, заставлявшей «доброго и сердечного» комиссара каждый раз отказывать Романовым в их просьбе. Будь несколько иное отношение к ним со стороны солдат охраны и местного населения, он, наверное, бы, удовлетворил их просьбу.

В своих воспоминаниях Панкратов приводит следующий интересный разговор с Николаем на эту тему:

¹ Жильяр П. Трагическая судьба... С. 54—55.

— Я хотел бы просить вас разрешить с семьей осмотреть город.

— Весьма охотно бы это сделал, если бы имел разрешение от Временного правительства. Кроме того, есть еще и другие мотивы.

— Вы боитесь, что я убегу? — перебивает меня Николай Александрович.

— Это менее всего, — возражая ему, — я уверен, что вы и попытки такой не сделаете...

Надо было быть очень наивным человеком, вроде Панкратова, чтобы высказываться с такой уверенностью о невозможности даже попытки к побегу Романовых. Как раз в это время ряд монархических организаций и кружков уже приступали к подготовке освобождения царской семьи. В своей наивности комиссар Временного правительства был настолько смешон, что даже царская семья втихомолку подсмеивалась над ним.

И даже такой ограниченный, недалекий человек, как Николай, и тот, несмотря на всю «симпатию и даже признательность» к Панкратову, относился к нему иронически, дав ему прозвище: «маленький человек». Панкратов был невысокого роста.

И если все же побег Романовых не состоялся, то, как мы увидим ниже, Панкратов всего меньше был в этом виновен. Наоборот, он своим поведением делал все возможное, чтобы обеспечить успех побега.

---

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске//Былое. 1924. № 25.

ГЛАВА VI

Гермогеновщина

С пребыванием царской семьи в Тобольске тесно связана деятельность там одного из видных русских монархистов-церковников — епископа Гермогена.

Гермоген, ближайший сподвижник и ставленник Распутина, был широко известен в России как друг царской семьи. После переворота он был оставлен на свободе. К подобного рода явным монархистам, как известно, Временное правительство относилось с большою терпимостью и даже благожелательностью, давая им иногда новые ответственные назначения.

Не был забыт и Гермоген.

Новый «революционный» обер-прокурор Синода В. Н. Львов назначил его архиереем в Тобольск. Это назначение, произшедшее до перевоза Романовых, как выяснилось теперь, имело под собой определенную почву. По приезде в Тобольск Гермоген повел длительные переговоры с Петроградом о переводе Романовых в Тобольск, и эти переговоры действительно закончились переводом царской семьи.

Немногочисленные одиночки-революционеры, группировавшиеся в тобольском Совете, понимали, какую роль может сыграть этот монах в деле подготовки освобождения Романовых из тобольского заключения. Они неоднократно обращали на это обстоятельство внимание центра. Но все попытки такого рода кончались неудачей. Временное правительство считало за мудрость отмалчиваться.

Между тем, вскоре же по приезде Романовых в Тобольск начали появляться бывшие офицеры, под вымышленными фамилиями прибывшие туда «на отдых» или для «развлечения», как отвечали они на вопросы местных властей, пытавшихся выяснить причины приезда этих подозрительных «гостей» в тобольское захолустье.

Большинство из них приезжало, по-видимому, по подложным документам. Были, напр., задержаны два офице-

ра — «Кириллов» и «Мефодиев», приехавшие туда в отпуск с фронта на две недели. Задержаны были два офицера — братья Раевские (по документам). Один из них приехал в Тобольск раньше, и за ним было установлено наблюдение. Второй «братья» приехал позднее и сразу, ночью, не повидавшись с братом, отправился к Гермогену. По выходе из архиерейского дома Раевский был арестован. При нем нашли удостоверение, выданное «Всероссийским братством православных приходов». При допросе он сообщил, что привез Гермогену письмо от епископа Камчатского — Нестора.

Позднее при обыске у Гермогена выяснилось, какое письмо привез в Тобольск Раевский. Письмо это было от бывшей царицы-матери, Марии Федоровны, которая убеждала Гермогена взять на себя руководство делом спасения царской семьи в целях восстановления монархии. «Владыка,— писала она,— ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь,— это предназначение... Теперь настал черед тебе спасать родину, тебя знает вся Россия,— призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое в спасении многострадальной России».

И Гермоген начинает «прославляться».

Семья Романовых ходит в церковь по утрам, когда меньше движения на улицах. Для них служится там особая обедня. 3 ноября, в день старого «царского праздника» — «восшествия на престол» Николая Романова, после обычной службы, в то время, когда семья выходила из церкви, по распоряжению священника Алексея Васильева раздался праздничный трезвон всех колоколов собора и продолжался все время, пока семья не скрылась в дверях своего дома. Одним словом, был инсценирован прежний выход «их величеств». Это вызвало разговоры среди солдат охраны, но дальше разговоров дело не пошло.

В ноябре месяце в городском соборе, в казармах и на улицах неизвестным монахом раздавались уже листовки с призывом помочь «царю-батюшке» и «постоять за веру русскую, православную». В это же время в церкви, куда водили Романовых, неожиданно появилась привезенная из Абалакского монастыря «чудотворная икона», которая приносилась в Тобольск обычно летом с особой торжественностью и пышностью. Из «появления» иконы в Тобольске в необычное время пытались, по-видимому, разыграть какое-то «чудо».

Понадобилось вмешательство Совета, после настойчивых предложений которого икона «ушла» обратно в монастырь. Наконец 6 декабря (ст. ст.) в той же церкви, в присутствии у обедни всей царской семьи, дьякон провозгласил старое «многолетие» «царствующему дому», именуя при этом полными старыми титулами царя, его жену, наследника и дочерей. Эта попытка монархистов перейти в открытое наступление вызвала большое недовольство и возмущение среди солдат охраны и среди наиболее революционных кругов Тобольска. Романовым запрещено было посещение церкви и предложено молиться дома. Дьякон Евдокимов и священник Васильев были арестованы и привезены в Совет. При допросе они путались, сваливая вину один на другого, но чувствовалась за ними направляющая рука Гермогена.

Совет в этом деле не проявил должной решительности, оставив попа и дьякона под домашним арестом.

Гермоген, без разрешения Совета, освободил их и отправил для «эпитетии» (покаяния) в монастырь. Началась переписка с Гермогеном, уклонившимся от дачи личных показаний. В своем письме Совету Гермоген философствовал и приводил тексты из церковных книг, заявляя, что по «данным священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари и императоры не лишаются своего сана, как такового, и соответственных им титулов, почему поступок священника Васильева он не считал и не считает преступным».

Вся деятельность Гермогена свелась главным образом к этой мобилизации настроения среди верующей части тобольского населения, преимущественно купцов, торговцев, кулачества и т. п. реакционных, черносотенных элементов. Непосредственной же попытки к освобождению Романовых ему так, по-видимому, и не удалось сделать.

Правда, одно время он пытался опереться в этом деле на образовавшийся в Тобольске союз фронтовиков. Во главе этого союза стоял некто Лепилин. Выдавал он себя за политического ссыльного, но вскоре оказалось, что он вор-рецидивист, шантажист и провокатор, к которому в свое время даже охранка потеряла всякое доверие. Союзу Гермоген отпустил несколько тысяч рублей и этим завоевал популярность среди организации, готовой пойти всегда за тем, кто даст больше денег. Но этим и ограничилась

связь с союзом фронтовиков. Это и понятно. Слишком заметной фигурой был Гермоген в Тобольске, чтобы иметь возможность принимать более активное участие в этом рискованном предприятии.

Но Гермоген был не одинок в своих попытках прийти на помощь царской семье. С приездом последней в Тобольск зашевелились и различные монархические организации, группы и кружки в центре. Когда Романовы находились в царскосельском заключении, рядом с революционным Питером и Кронштадтом, им нечего было и думать об освобождении царской семьи — дело было совсем безнадежное. В этом очень скоро убедились и сами монархисты. Лидер русских монархистов, известный Марков 2-й, рассказывает: «В период царскосельского заключения я пытался вступить в общение с государем императором. В записке, которую я послал при посредстве жены морского офицера Юлии Александровны Ден, очень преданной государыне императрице, и одного из дворцовых служителей, я извещал государя о желании послужить царской семье, сделать все возможное для облегчения ее участия, прося государя дать мне знать через Ден, — одобряет ли он мои намерения, — условно: посыпкой иконы. Государь одобрил мое желание: он прислал мне через Ден образ Николая угодника»¹.

Из дальнейшего повествования видно, что эта первая попытка установления общения монархистов с Романовыми дальше «Николая угодника» так и не пошла, так как, по словам другого видного монархиста В. Соколова, они «не могли ничего предпринять в первые месяцы после отречения государя в силу общих событий: более чем кто-либо гонениям подвергались... правые монархисты».

Объяснение пассивности монархистов в это время — явно вздорное. Дело, конечно, заключалось не в том, что они якобы подвергались каким-то гонениям (Временное правительство меньше всего склонно было их преследовать), а в том, что Романовы находились под зорким наблюдением солдат и рабочих Питера.

С переездом в Тобольск положение резко менялось: вместо Питера и Кронштадта с их рабочими и солдатами — гнездо сибирского кулачества, прямой путь в Англию, пункт, находящийся вдали от революционных пролетарских центров. Все это не могло не открывать перед

---

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 95.

монархистами заманчивых перспектив освобождения «обожаемого» монарха.

Не случайно, что именно с осени начинаются активные действия монархистов с подготовкой освобождения Романовых. Тот же Марков 2-й сообщает, что «после долгого вынужденного бездействия мы в сентябре решили послать в Тобольск своего человека для установления связи с царской семьей и, буде того потребуют обстоятельства,— увоза ее. Наш выбор пал на офицера Крымского полка, шефом которого была императрица,— Н. Это был человек, искренно и глубоко преданный их величествам. Он лично и хорошо известен государыне императрице. Его также знал и государь».

«Он уехал, кажется, в сентябре 1917 г. Он известил нас о своем прибытии в Тюмень... Мы стали обдумывать вопрос о посылке других офицеров в Тобольск. Состоялась посылка Маркова»¹.

Еще раньше монархической организации, руководимой Марковым 2-м, с той же целью предпринимает подготовительные шаги и распутинский кружок Вырубовой. Во главе всего дела был поставлен некий Борис Соловьев, сын казначея святейшего Синода, старого знакомого и приятеля Григория Распутина. С 1915 г. этот Соловьев состоял членом распутинского кружка. Во время переворота он вместе со 2-м Пулеметным полком оказался в Государственной думе, был назначен адъютантом председателя Военной комиссии думского к-та Половцева. Но после этого, однако, связь с распутинским кружком не прервалась; он по-прежнему остался активным членом последнего.

В августе 1917 г., когда царская семья была уже в Тобольске, Соловьев, по поручению кружка, едет туда. Здесь он пытается завязать сношения с епископом Гермогеном, уже установившим «общение» с Романовыми. Через некоторое время он женится на Матрене Распутиной, дочери старца, и снова едет в Сибирь. Из опубликованных Н. Соколовым отдельных выдержек из дневников обоих супругов видно, что их брак был заключен исключительно по соображениям «делового характера». Для Соловьева он имел то значение, что его приезд в Тобольскую губернию в качестве родственника семьи Распутина не мог вызвать подозрений у местной власти к нему, как к бывшему офицеру, и он мог спокойно проживать вблизи от места

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 95—97.

заключения бывш. царской семьи, подготовляя ее освобождение. Молодая чета остановилась у вдовы Распутина в с. Покровском. Но вскоре Соловьев избрал своим главным местопребыванием Тюмень, город, удобный для наблюдения за всеми, кто едет в Тобольск или из него. Он проживал здесь под именем Станислава Корженевского.

Поселившись в Тюмени, Соловьев установил сношение с бывш. царицей и скоро стал посредником между ею и распутинским кружком, доставляя в Тобольск и Петроград письма, деньги и посылки. В Тобольске проживали две горничные Александры Федоровны — Уткина и Романова, не значившиеся в списках прислуги и приехавшие в Тобольск уже после прибытия туда царской семьи: жили они отдельно, на частной квартире. Обе они были распутинянки, через них Соловьев и установил сношения с бывшей царицей. Последняя доверяла ему и как зятю Распутина, и как посланцу распутинского кружка Вырубовой.

Таким образом к началу октября монархическим группам и кружкам удалось установить опорные пункты для организации освобождения Романовых из тобольского заключения.

Если все же не удался побег Романовых, то это объясняется, как мы увидим ниже, тем, что непосредственные организаторы его, не поделив между собой громадных сумм, шедших на это дело из центра, передрались и переругались между собой, позабыв совершенно об «обожаемой особе» монарха. Не последнюю роль сыграло также и то обстоятельство, что после Октябрьской революции власть над охраной бывш. царя перешла от Кобылинского и Панкратова к Солдатскому комитету. Не будь этого, Романовым, наверное, удалось бы избежать казни.

ГЛАВА VII

Тобольское заключение после Октябрьского переворота

Об Октябрьской революции Тобольск узнал лишь через две недели после переворота, сущность же происходивших событий была им уяснена гораздо позже. Объяснялось это общеполитической обстановкой того момента. Долгое время аппарат связи — телеграф и железные дороги — находился под влиянием организаций, бывших против большевиков. «Викжель» — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников, «Крестьянский союз» и другие организации, поддерживавшие Временное правительство, ложными телеграммами о борьбе в Петрограде запутывали положение во многих отдаленных пунктах страны. Тобольск был в числе этих городов и долгое время не знал о действительном положении дел. Этому способствовали, конечно, меньшевики и эсеры, руководившие в то время тобольским Советом.

Когда положение уже выяснилось, установилась связь с центром и начали приходить первые декреты и распоряжения, Совет еще раз сделал попытку создать коалиционный комитет из Думы и Совета. Но из этой попытки ничего не вышло. И до прихода в начале 1918 г. рабочих отрядов из Омска и Екатеринбурга в Тобольске сохранилась по-прежнему старая власть губернского комиссара, городской думы и даже были произведены выборы в земство.

Такая политическая обстановка в Тобольске вызывала у рабочих масс Урала и Сибири понятные подозрения и опасения ненадежности охраны Романовых и особенно ее комиссара. «На мое имя, — пишет Панкратов, — получались анонимки с угрозами с фронта, из Омска, Красноярска, Екатеринбурга и даже от самих тоболяков. Грозили даже послать целую дивизию за то, что я «распустил» царскую семью»¹. Омский Совет дважды с особой настойчивостью давал приказания через своего военного комиссара о пере-

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске//Былое. 1924. № 26. С. 213.

воде бывшего царя с семьей в каторжную тюрьму и аресте губернского комиссара, но безрезультатно. Тобольск и его комиссар не считались с распоряжениями Омска, несмотря на то что в административном отношении они были ему подчинены. Но эти попытки оказать сопротивление распространению власти Советов носили пассивный характер, так как, по мере того, как массами уяснялась сущность совершившихся в Петрограде событий, власть в Тобольске все больше и больше уходила из рук агентов Временного правительства.

Комиссар Панкратов долгое время пытался держать отряд в неведении относительно происходивших в центре событий. Но понемногу отзвуки Октябрьского переворота стали проникать и в солдатскую массу охраны.

Наиболее «неблагополучной» была рота 2-го гвардейского полка, где, под руководством подпрапорщика А. Матвеева, создалось небольшое, но надежное ядро боевых революционных солдат, давших на одном из своих собраний обещание — следить за семьей Романовых и, в случае их попытки к бегству, живыми не выпускать из дома заключения ни бывшего царя, ни его семью.

Влияние этой группы постепенно распространялось почти на всех гвардейцев отряда. Не особенно считавшиеся с Панкратовым и Никольским раньше, они теперь стали игнорировать и даже враждебно относиться к ним.

В конце ноября был образован Солдатский комитет охраны. С его организацией фактическая власть над Романовыми перешла к солдатам отряда. С этого момента в жизни тобольских заключенных произошла резкая перемена. Жизнь «двора», до того времени протекавшая чинно, по заведенному распорядку и никем не нарушающаяся, теперь стала подвергаться всяческим изменениям и ограничениям. Солдатский комитет старался установить для арестованных более жесткий режим, отменяя смягчения и поблажки, делавшиеся до сих пор Панкратовым и Кобылинским. Комитет начал с приближенных и прислуги. Последние пользовались по сравнению с семьей Романовых более значительной свободой: могли бывать не только в городе, но и в окрестностях. Это давно возбуждало недовольство солдат охраны, и они не раз предупреждали Панкратова, что если Долгоруков и другие не перестанут «шататься по городу, их побьют»¹. Солдатский комитет решил уста-

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске // Былое. 1924. № 26. С. 217.

новить для них тот же режим, как для царской семьи. Свита и прислуга, жившие в отдельном доме, против б. губернаторского дома, были оттуда выселены и переведены все в дом, где жила царская семья. Эта мера была как нельзя более уместной в связи с попытками, которые предпринимались монархистами в целях освобождения Романовых. Теперь же связь их с царской семьей была значительно затруднена.

К этому времени относится и случай с вином, вылитым в Иртыш по настоянию солдат охраны. Затем, в связи с провозглашением священником Васильевым за молебном 19 декабря многолетия Романовым, Солдатский комитет постановил запретить семье посещать церковь, разрешив производить богослужение дома, в присутствии и под наблюдением дежурного солдата. С трудом удалось получить Кобылинскому разрешение от Комитета, чтобы семья посещала церковь в двунадесятые праздники. Этот случай вмешательства солдат в установление режима для царской семьи нашел очень хорошее отражение в дневнике графини Гендриковой. В нем мы читаем: «27 января. В церкви не были. Солдаты постановили пускать в церковь только по двунадесятым праздникам». «15 февраля. Солдатский комитет не позволил им и сегодня пойти в церковь». «17 февраля. Вчера и сегодня службы дома».

Несмотря на строгость режима, Романовы и их свита продолжали жить довольно весело. Председатель Отряженного комитета этих дней т. Матвеев вспоминает, например, такую сценку: «Будучи дежурным офицером по отряду, часов около 11 вечера я вышел в коридор из комнаты дежурного, расположенной в нижнем этаже губернаторского дома. Этот коридор пересекается другими, выходящими к лестнице наверх, где жили Романовы. Выйдя в коридор, я услышал вверху необычайный шум; надо сказать, что в этот день у Романовых был какой-то семейный праздник и обед у них затянулся до поздней ночи,— шум все усиливался, и вскоре по лестнице сверху спустилась веселая компания, состоявшая из семьи Романовых и их свиты, разодетая в праздничные наряды. Впереди шел Николай, одетый в казачью форму с полковничими погонами и черкесским кинжалом у пояса. Вся компания прошла в комнату преподавателя Гиббеса, где и повеселилась до 2 часов ночи».

Узнав об этом, солдаты решили отобрать оружие и произвести у Романовых обыск. В результате его у Николая

был отобран кавказский кинжал и шашки у Жильяра и Долгорукова. Вскоре после этого произошла история с погонами, особенно сильно взволновавшая обитателей тобольского заключения. 16 января на объединенном собрании солдат местного гарнизона и отряда охраны было вынесено постановление о запрещении носить погоны офицерам и солдатам. Солдатский комитет охраны решил потребовать, чтобы снял погоны и бывший царь.

«Понимая, как оскорбительно будет для него это требование,— пишет Соколов,— Кобылинский долго боролся с солдатами, грозя им и английским королем и германским императором¹. Но, видимо, солдат охраны нельзя было испугать «аглицким королем», так как они все же продолжали настаивать на проведении в жизнь своего решения, грозя в противном случае применить насилие. И Николаю пришлось разделить участь всех офицеров охраны: снять погоны, не ожидая помощи английского короля. Несмотря на обещание, данное представителю Отряженного комитета — снять погоны, Николай носил их у себя в комнате, а когда на другой день после разговора о погонах семья отправилась в церковь, Николай прятал погоны под буркой, а Алексей — под башлыком.

«Все эти истории,— говорит Кобылинский,— были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности... И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погонов, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Я пошел в дом и попросил Теглеву доложить государю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: «Ваше величество, власть выскользает из моих рук. С нас сняли погоны, я не могу больше быть вам полезным. Если вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу». Государь обнял меня одной рукой. На глазах у него навернулись слезы. Он сказал мне: «Евгений Степанович, от себя, жены и детей я вас прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим. Надо и вам потерпеть». Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть».

Не менее тяжело и мучительно переживал эти «истории» и Панкратов. Он, как и Кобылинский, понимал, что у него

---

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 34.

осталась лишь номинальная власть, а что всем распоряжаются солдаты, и также помышлял о том, как бы уйти.

«Мое положение,— пишет он,— становилось чрезвычайно сложным и тяжелым,— единственная надежда, которая еще жила во мне, это — Учредительное собрание, но и в нем я иногда сомневался, слишком оно запоздало. Все же я ждал созыва Учредительного собрания и подготовил уже свое ему заявление, чтобы оно освободило меня от моей обязанности.

Надежда моя на Учредительное собрание была единственная. С каким нетерпением приходилось ждать его созыва.

Даже Николай II неоднократно спрашивал:

— А скоро ли будет созвано Учредительное собрание?

— Полагаю, что во всяком случае не позже начала января,— отвечал я¹!

Можно сказать, что картина глубоко историческая и символическая: эсер и глава монархии — оба на коленях молят своего бога об Учредительном собрании, связывая с ним все свои надежды на лучшее будущее.

Невыясненность положения с охраной Романовых, отсутствие связи с центром заставили солдат охраны на одном из своих общих собраний постановить о посыпке делегатов в Питер для доклада центральной Советской власти об условиях содержания под стражей семьи Романовых и получения директив. Были избраны делегаты от каждой роты по одному.

Появление их в Царском Селе, в комитетах трех полков, из которых они были откомандированы, произвело большое впечатление. Под влиянием сообщений буржуазных газет о пребывании царской семьи в Тобольске, о расположении отряда и о всевозможных попытках к освобождению бывшего царя силами монархистов в широких солдатских и рабочих массах Питера создалось убеждение в том, что Романовых в Тобольске уже нет.

Побывав во ВЦИКе и Совнаркоме и получив соответствующие инструкции и указания, делегаты выехали обратно в Тобольск.

Прибыв в отряд, они поставили на первом же общем собрании солдат вопрос об удалении из отряда охраны комиссара Панкратова и его помощника. Но в отряде

¹ Панкратов В. С царем в Тобольске // Былое. 1924. № 26. С. 217—218.

нашлось еще значительное количество солдат, высказавшихся против их изгнания, ссылаясь на то, что они не противодействовали активно деятельности Комитета. Это вызвало большое возбуждение в остальной части собрания.

Собрание затянулось, и в результате никакого решения вынесено не было. Как бы предупреждая события, Панкратов поспешил подать в Комитет отряда заявление об уходе.

«Ввиду того,— говорилось в его заявлении,— что за последнее время в отряде особого назначения наблюдается между ротами трение, вызываемое моим присутствием в отряде, как комиссара, назначенного еще в августе 1917 г. Временным правительством, и не желая углублять этого трения, я, в интересах дела общегосударственной важности, слагаю с себя полномочия и прошу выдать мне письменное подтверждение основательности моей мотивировки... В. Панкратов. Января 24 дня 1918 г. Тобольск».

В ответ на это заявление Комитет согласился с уходом Панкратова и выдал ему удостоверение, в котором говорилось: «Дано сие от Отрядного комитета отряда особого назначения комиссару по охране бывшего царя и его семьи Василию Семеновичу Панкратову в том, что он сложил свои полномочия ввиду того, что его пребывание в отряде вызывает среди солдат трение, и в том, что мотивы сложения полномочия Комитетом признаны правильными». Председатель Комитета (подпись Киреева). Секретарь (подпись Бобкова). 26 января 1918 г. Тобольск. Печать Отрядного комитета.

Вместе с Панкратовым ушел и его помощник Никольский. Власть официально перешла в руки отряда.

«Все от солдат зависит,— писала с тревогой Александра своей подруге Вырубовой,— слава богу, оставляют нам нашего коменданта...»¹

Это было последним утешением для Романовых. С оставлением Кобылинского в отряде охраны оставался единственный человек, сочувствующий царской семье, так как вслед за уходом Панкратова и Никольского были уволены из охраны многие солдаты, оказавшиеся недостаточно надежными. На смену им в отряд прибыли новые солдаты из Петрограда.

---

¹ Вырубова. Записки. С. 162.

ГЛАВА VIII

Надежды на освобождение

Вскоре после приезда делегатов отряда в Тобольск из центра стали поступать указания, относившиеся к упорядочению режима и охраны бывшего царя. Первым крупным мероприятием центра было предложение перевести Николая и его семью на солдатский паек. Это распоряжение исходило от Народного комиссариата имущества республики и было получено в Тобольске 23 февраля. В той же телеграмме предлагалось установить для Романовых ограничение и в пользовании средствами, находившимися на их имя в различных банках. На каждого члена семьи было разрешено расходовать в месяц не более 600 руб., или 4200 руб. на всю семью. В пределах этой суммы им предоставлялась возможность производить расход на улучшение пищи, прислугу и другие хозяйственныенужды.

Получив распоряжение центра, Солдатский комитет охраны предложил Романовым вести свои расходы, строго сообразуясь с суммой, указанной в телеграмме. В связи с этим Романовым пришлось уволить 10 служащих и значительно сократить расходы на питание.

Новый режим был введен с 1 марта. В этот день Жильяр записал в своем дневнике: «Вступил в силу новый режим. Начиная с сегодняшнего дня масло и кофе исключены с нашего стола как предметы роскоши». А через пару дней он с тревогой записывал: «Теперь с каждым днем все новые притеснения ложатся на приближенных к царю лиц, точно так же, как и на царскую семью. Уже давно мы не можем выйти из дома иначе, как в сопровождении солдата; вероятно нас скоро лишат и этой последней тени свободы»¹.

Растущие со дня на день «неприятности» заставляют

---

¹ Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии. С. 60—61.

Романовых и их приближенных с лихорадочным нетерпением ожидать помоши монархистов, о подготовительной деятельности которых они осведомлены. Романовы умоляют их спешить, указывая, что с каждым днем побег становится все более затруднительным и что может быть упущен благоприятный момент. В ответ они получают утешительные сообщения, что не сегодня-завтра верные им монархисты выполнят свой долг и что они располагают достаточными для этого силами.

В эту помошь особенно верит бывш. царица, через которую идут все сношения с заговорщиками. Со слов последних, она уверяет окружающих, что в Тюмени уже организовался отряд в 300 офицеров, готовых каждую минуту оказать им помошь. Своей верой она заражает всех членов семьи и приближенных. 17 марта Жильяр записывал в своем дневнике, что все заключенные настаивают, чтобы Николай «держался наготове, на случай ожидаемой возможности»¹.

Уверенность Романовых в скором освобождении была настолько велика, что когда через неделю из Омска прибыл отряд красногвардейцев в 100 человек, то они все были убеждены, что среди них много верных им офицеров под видом простых солдат. «На этих самых красногвардейцев,— пишет Соколов со слов очевидцев,— императрица показывала в окно и кричала по их адресу: Хорошие русские люди»².

Получая от различных монархических организаций, групп и кружков сведения, что ими подготовляется освобождение царской семьи, Александра имела все основания верить в эту скорую помошь. Не считая отдельных монархистов, по своему личному почину предлагавших Романовым услуги, с ними были связаны, как мы уже отмечали выше: Гермоген, распутинский кружок Вырубовой и петроградская организация, руководимая Марковым 2-м. В январе 1918 г. к ним прибавилась еще «Московская группа русских монархистов», также пославшая в Тобольск своего уполномоченного, некоего Кривошеина.

Организаций, озабоченных освобождением Романовых, как видим, было более чем достаточно. Но все они между собой не были связаны и действовали самостоятельно

¹ Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии. С. 61.

² Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 60.

и независимо друг от друга, так как каждая из них видела в другой прежде всего своего конкурента. Поэтому они очень мало заботились об объединении своих действий,— напротив, стремились как-нибудь отстранить друг друга от столь почетной и высокой задачи, как спасение царской семьи.

Из всех монархических организаций распутинский кружок располагал наибольшими средствами, получаемыми им из различных источников на подготовку освобождения Романовых. Только от одного банкира и сахарозаводчика К. И. Ярошинского кружок получил для этой цели 175 тыс. руб. Это, как и близость кружка к бывш. царице, сразу поставило его в центре всей деятельности по оказанию помощи царской семье.

Петроградская организация, напротив, находилась на положении «бедного родственника», так как с переворотом лишилась тех средств, которые раньше в изрядном количестве притекали к ней из казенного сундука. Ее лидер Марков 2-й пытался «ради общей цели» установить соглашение с Вырубовой, но неудачно. Вырубова деликатно отклонила предлагаемые услуги, дав, по словам Маркова, понять, что она желает действовать самостоятельно и независимо от него.

Когда петроградские монархисты все же послали в Тобольск своих людей, им из кружка Вырубовой, по словам того же Маркова, сообщили, что они «совершенно напрасно пытаются установить связи с царской семьей, что там уже работают люди Вырубовой и что напрасно они пытаются в это дело и неуместным рвением только компрометируют благое дело». И для большей остротки своего «бедного родственника» была сделана «ссылка на волю ее величества, что их работа вызывает опасения государыни».

Аналогичные отношения установились и между уполномоченным распутинского кружка Соловьевым и Гермогеном. Последний был выдвинут Марией Федоровной, матерью бывш. царя, которая, как известно, враждебно относилась к Александре Федоровне. Когда в августе Соловьев приехал первый раз в Тобольск и пытался установить с Гермогеном связь, то последний его не принял, по-видимому, также видя в нем своего конкурента.

Еще хуже обстояло дело с «уполномоченными» этих организаций.

На первом месте в смысле связи и помощи бывш. царской семье, как и нужно было ожидать, оказался Со-

ловьев. Из своего положения уполномоченного Соловьев в первую очередь заботился извлечь выгоду лично для себя, а затем уже для «обожаемого» монарха. По свидетельству целого ряда лиц, из поступавших к нему в большом количестве денег лишь незначительная сумма шла по назначению,— большая часть присваивалась Соловьевым. Его правой рукой в Тобольске был известный уже нам священник Алексей Васильев. Этот поп отличался не меньшим «сребролюбием», чем его патрон, и также «прикарманивал» значительную часть идущих через него денег.

В свой центр Соловьев и Васильев, по словам Дитерихса, доносили, что им удалось создать сильную группу в 300 человек и что, следовательно, нет необходимости присыпать новых офицеров, так как дальнейшее увеличение организации опасно для дела, и требовали лишь присылки денег как для царской семьи, так и для себя. Но из центра, несмотря на их «предупреждения», приезжали новые люди, посыпаемые помимо распутинского кружка Вырубовой.

Боясь новых людей, которые могут отбить у них столь доходное дело, Соловьев и Васильев принимали меры к недопущению их в Тобольск. В отстаивании своих интересов они проявили большую настойчивость и смелость. В Тюмени ими было установлено нечто вроде заставы для всех лиц, пытавшихся пробраться в Тобольск с целью повидаться там с Романовыми.

По свидетельству приближенных бывшей царской семьи, живших с нею в Тобольске, Соловьев заставлял всех вновь приезжающих работать под своим руководством, добиваясь этого или рассказами о силе своей организации, или угрозами — в случае неподчинения выдать их местным властям.

В этом он достиг больших успехов. «Петроградские и московские организации,— как говорит Боткина-Мельник,— посыпали многих своих членов в Тобольск и Тюмень; многие из них там даже жили по несколько месяцев, скрываясь под чужими именами, но все они попадались в организацию о. Алексея (Васильева) и поручика Соловьева, вкравшегося в доверие недальновидным монархистам»¹.

Такая участь постигла и уполномоченного петроград-

---

¹ Боткина-Мельник Т. Воспоминания. Харбин, 1920.

ской организации офицеров Н и Маркова. Оба они нашли в Соловьеве и Васильеве достойных себе руководителей, будучи не менее их притязательными в денежных вопросах и не больше их обеспокоенными о судьбе «обожаемого» монарха. Между прочим, когда весной 1918 г. офицер Н вернулся в Петроград, то, по словам Маркова 2-го, из его доклада было видно, что «он абсолютно ничего не сделал для установления связи с царской семьей, что он ни разу не побывал в Тобольске, когда там находился государь император». Относительно другого офицера, своего однофамильца, Марков говорит, что «он производил впечатление молодого человека, излишне смелого и чрезвычайно настойчивого и притязательного в денежных вопросах»¹.

Вот на этих-то «хороших русских людей» и возлагали Романовы все свои надежды на освобождение.

Насколько верно, что монархисты располагали в Тобольске и Тюмени организацией в 300 человек, трудно сказать; во всяком случае, если говорить о строго конспиративной организации, то эта цифра явно преувеличеннaя.

В № 17 «Архива русской революции» за 1925 г. бывший командир Сумского гусарского полка К. Соколов рассказывает о своем участии в одной из попыток освобождения Романовых.

«В начале января в Москву прибыл курьер из Тобольска, поручик Р., совсем мальчик, отправленный в Тобольск Пуришкевичем еще за 2—3 месяца до большевиков. Он рассказывал, что в Тобольске, кроме охраны государя, поголовно царит монархическое настроение; есть местные организации, готовые помочь, приготовлены перевозочные средства. Р. развивал план — освободить царя в церкви, куда он с семьей ходит молиться по воскресеньям. План был явно нелепый, но сомнения Соколова несколько рассеял начальник отряда заговорщиков, полковник Н., говоривший здраво и обдуманно. Он объяснил, что предполагается вывезти царскую семью в Троицк, занятый оренбуржцами Дутова. В окрестности для разведки будут командированы 30 человек под командой ротмистра Л., а для окончательного выполнения задачи прибудет еще 100 гардемаринов.

Соколов и его два товарища и «курьер» выехали из Москвы 6 января 1918 г., переодетые солдатами. Они

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 96.

получили от П. по 2000 рублей каждый. Через неделю они были в Тобольске, и здесь в первый день выяснилось, что монархическое настроение, о котором говорил Р.— в действительности небольшой кружок его интеллигентных знакомых, организация, готовая помочь,— это бойскауты — 30 человек, в возрасте от 10 до 17 лет. Мальчиков и братьев Р. занимала романтическая сторона предприятия, и они составляли даже рисунки — будущую форму конвоя государя. За этим занятием застал их Соколов, и братья, «чтобы сгладить впечатление, рассказали, что им удалось войти в сношение с государем через духовника, что государь знает о нашем приезде и цели и согласен, но при условии вывоза всех состоящих при нем». Соколов не знал, верить ли этим рассказам, но в конце концов склонился верить.

Планы эти были, впрочем, обречены на неудачу с первого же дня. Патруль, охранявший царский дом, обратил на них внимание, как только они прошли мимо, и сыщики потом следили за каждым их шагом. Через несколько дней и Соколов с товарищами и братья Р. были арестованы, но отделались благополучно только высылкой из города. Как раз перед их отъездом приехал из Москвы курьер и сообщил, что из-за отсутствия денег все предприятие надо бросить.

На обратном пути Соколов, раздумывая о пережитом, приходил к заключению, что освобождение царской семьи было вполне осуществимо, но не хватало только организации и средств¹. Одно несомненно, что люди у них были, и если все же не было сделано даже попытки к освобождению Романовых, то это произошло только потому, что руководители в это время были заняты больше вопросами личной наживы, чем спасением Романовых.

В то время как Романовы с нетерпением ожидали помощи, вокруг поступающих средств возникла склока. Поп Васильев, прославившись своей близостью к семье (исповеди), а затем «многолетием» в церкви, скоро стал наряду с Соловьевым центральной фигурой для монархистов, и на его имя «друзья» стали слать в Тобольск посылки и деньги. Священник стал претендовать на первую роль и соответственно этому на увеличение своей доли из сумм, идущих на «организацию». Он встретил со стороны Соловьева отпор своим притязаниям. В ре-

¹ Последние новости. Париж, 1925. 24 дек. № 1740.

зультате они переругались и передрались между собой. Об этом, между прочим, Дитерихс пишет: «Пока от Соловьева поступали деньги, Васильев проявлял корректность. Но потом, по-видимому, ему захотелось играть первенствующую роль, и тогда он стал лить на Соловьева ушаты помоев, получая от него в ответ таковые же»¹.

Это послужило причиной тому, что они не сумели вовремя использовать благоприятное положение для освобождения Романовых. А такие моменты у них были. По мнению Боткиной, одним из таких моментов был февраль 1918 г., когда настроение в охране, по ее словам, было самое благоприятное. Отряд состоял главным образом из старых гвардейских унтер-офицеров, георгиевских кавалеров, из которых почти все относились к их величествам дружелюбно. Целый взвод стрелков, во главе с поручиком Малышевым, заявлял, что в их дежурство они дадут возможность заключенным безопасно уехать»².

Дитерихс считает, что время, самое подходящее для побега, было август — декабрь месяцы. «Но в этот момент, — плачется генерал, — центр монархистов ничем себя не проявил. Это время было наиболее благоприятным в составе самой охраны, особенно среди солдат бывшего 4-го императорской фамилии стрелкового полка, большая часть людей сама предлагала государю воспользоваться днями их дежурства для совершения побега»³.

Трудно сказать с определенностью, какой из этих моментов был более благоприятным; несомненно одно, что в том и другом случае побег можно было организовать.

Монархисты, упустив два таких удобных случая, лишились, как мы увидим ниже, возможности получить третий, хотя бы и менее благоприятный, так как в это время партийные и советские организации Урала и Омска решили покончить с неустойчивым положением в Тобольске. В феврале месяце из Омска в Тобольск был послан специальный комиссар В. А. Дуцман, в обязанности которого входило усиление наблюдения за заключенными и их охраной.

Вслед за ним в Тобольск прибыл из Омска отряд

¹ Дитерихс М. К. Убийство царской семьи. С. 73.

² Боткина-Мельник Т. Воспоминания. Харбин, 1920.

³ Дитерихс М. К. Убийство царской семьи. С. 72.

красногвардейцев в 100 человек, под начальством Демьянова. В этот день Жильяр записал в дневнике: «...в тобольском гарнизоне это первые солдаты-большевики. У нас отнята последняя надежда на побег»¹.

Почти одновременно с Омском протянул свою руку к тобольским «узникам» и Красный Урал. Этим окончательно была устранена опасность освобождения Романовых.

---

¹ Жильяр П. Трагическая судьба... С. 62.

Император Николай II.

Мать Николая II,
вдовствующая императрица Мария Федоровна.

*Супруга Николая II,
императрица Александра Федоровна.*

Царственная Сестра Милосердия.

Александра Федоровна — шеф лейб-гвардии
уланского полка.

Дети царской семьи (1913).

Дочери Николая II Мария и Анастасия
во время празднования 300-летия дома Романовых
в Москве (1913).

Дочери Николая II Ольга и Татьяна.

Дочери Николая II Ольга в форме гусарского
Елизаветградского и Татьяна в форме уланского
Вознесенского полка.

Николай II под арестом во время прогулки.

ОКТЯБРЬ	
Купчата	15
Риканц	
Изгло	
Соль	
Себак	
Сахаръ	
Мицар	
Крупъ	
Овесъ	

ПРАВИЛА:

1) Всюбъцъ карточкъ выдаются
представителями при предъявлениемъ тѣ изъ
Городской магії, какъ земель посподарства
Семейнаго.

2) Всі случаи утраты карточки предъявляются
дома, въ земельную премъ изъ подъясніе прѣдъ
представителями.

3) Всі случаи утраты карточки предъявляются въ земель-
ную премъ изъ земель.

4) Передача карточки другому землю
поспредставляется.

Тоб. Город. Продов. Ком.

Продовольственная карточка
№ 54.

Фамилия Романовъ
Имя Николай
Отчество Ивановичъ
Звание Экс-Императоръ
Улица Английская
№ дома 15
Семейное положение Семь
Бланкъ выданъ Карточка
Министерство финансовъ

Губернаторский дом в Тобольске,
где жила семья Романовых (1918).

Продовольственная карточка № 54,
выданная Николаю Романову Тобольским городским
продовольственным комитетом на октябрь 1917 г.
(публикуется впервые).

Завтракъ
24 Августа. 1917 года

Супъ похищка
Ризотто съ мидиями въ сливках
Битки изъ пашми
Цветные капусты
по польски
Прострекотъ шоколадный

Меню царской семьи на 24 августа 1917 г.
Царское Село (публикуется впервые).

18 Апреля 1918 г.

Завтрак

Суп по-шведски гороховый
Рыбка с гарниром

Обед

Томатный суп-пюре с рисом
Рыбка с гарниром.

Меню царской семьи на 18 апреля 1918 г.
Екатеринбург (публикуется впервые).

Дом Ипатьева в Екатеринбурге
в период нахождения семьи Романовых (1918).

Столовая в доме Ипатьева (1918).

ОБЛАСТНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИССАРИАТ
Секретаря Рабочих,
Крестьянских и Советских
Депутатов
УРАЛА

1 мая 1918 г.

Удостоверение

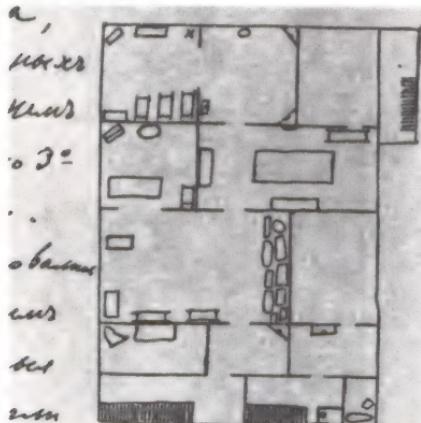
№

Сообщено постановлением Об. Собрания
от 30 апреля, предъявленное оно мне обр.
Комитетом тов. Александра Дмитрия Авдеева
назначен временным комендантом дома
где находился бывший царь Николай II.
Романов и его семье. — Вопреки
тому Авдеев вынужден безуспешно тягаться,
безкой огорода.

председателю Об. Собрания

Д. Ипатьеву

Дом Ипатьева и бывшего
царя.

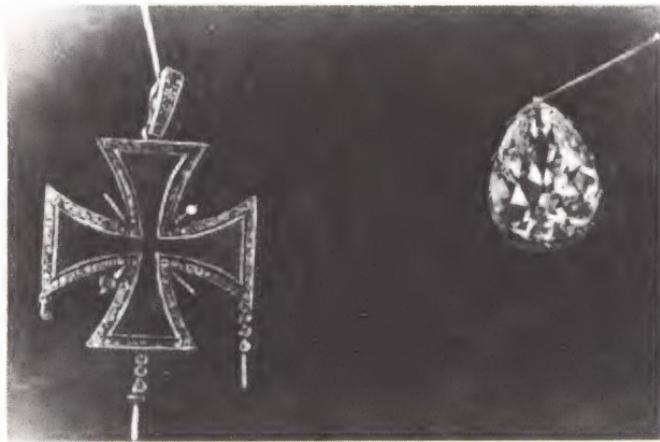
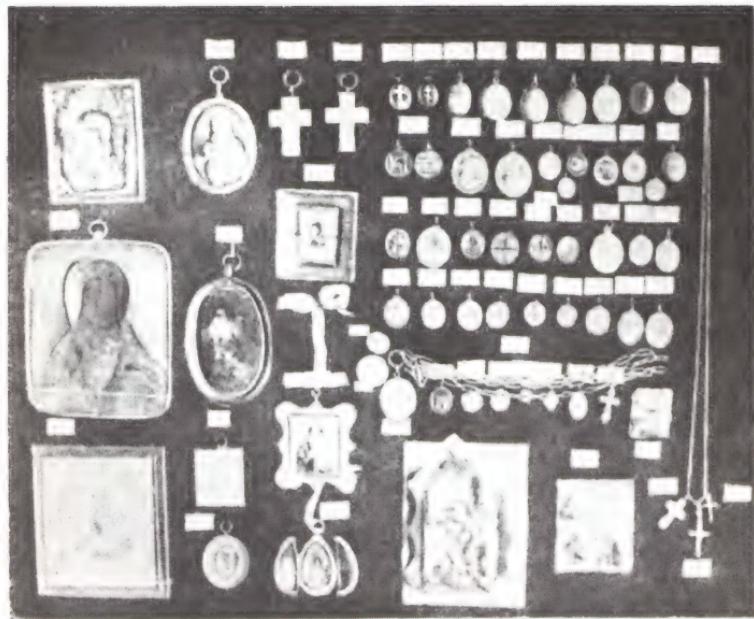
Удостоверение, выданное А. Д. Авдееву о назначении
его временным комендантом дома особого назначения
с 1 мая по 4 июля 1918 г. (публикуется впервые).

Фотокопия письма Николая II
с планом верхнего этажа дома Ипатьева.

Дом Ипатьева в Екатеринбурге. Внизу слева подвал, в котором была расстреляна семья Романовых (1937).

Комната в доме особого назначения в Екатеринбурге, где была расстреляна семья Романовых (1918).

Ценности, изъятые у царской семьи
(Екатеринбург, 1918).

Крест и бриллиант царской семьи, найденные
в шахте вблизи д. Коптяки (1919).

нчн33
наша ищет
ты панчеть
ты есть твой
миракъ
и прикасаю
ся къ членамъ
ищащихъ
насса григорій

Г. Распутин. Дарственная надпись на обороте.
Из архива семьи Романовых,
привезенного в Екатеринбург (Петроград, 1916).

Постановление ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАМ

СВЯЩЕНО и мы нижеподписавшиеся обещаем быть
готовыми к 9½ часам ^{утра} для отъезда на вокзал в
сопровождении члена УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
КОМИССИИ 19 мая 1918 года

Елизавета Федоровна

Постановление о выезде из Екатеринбурга
в Алапаевск Марфо-Мариинской
обители милосердия

Князь Иоанн Константинович

Княгиня Елена Петровна

Князь Константин Константинович

Князь Игорь Константинович

Князь Иоанн Константинович

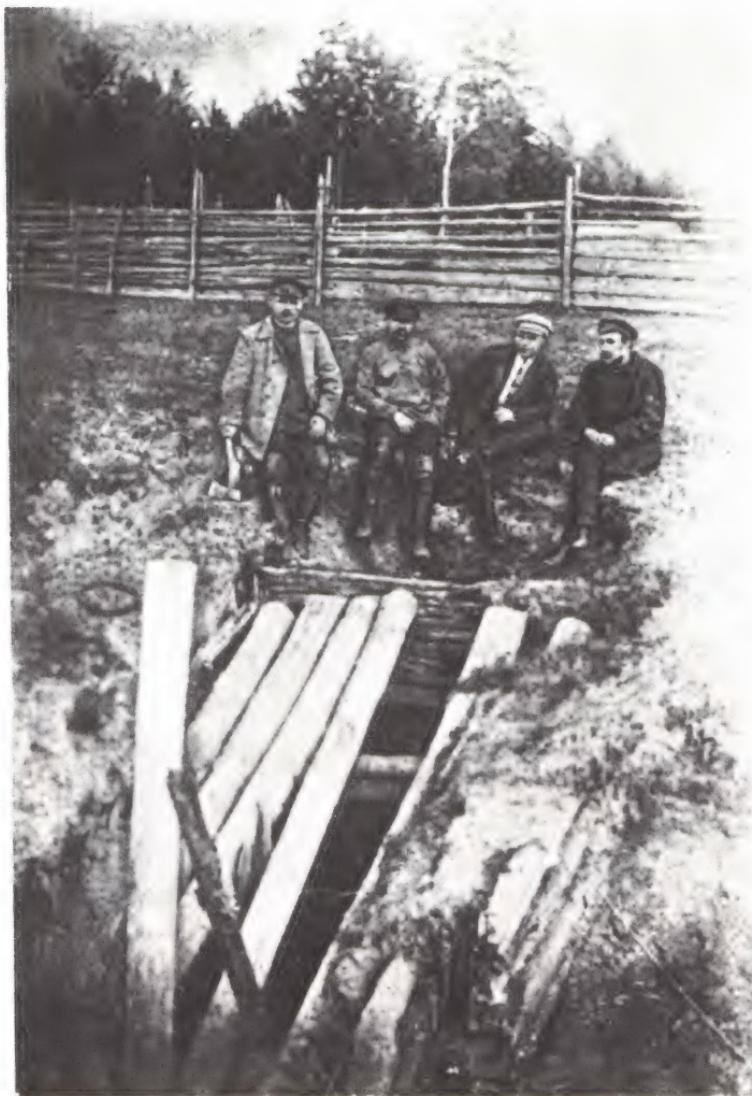
Сергей Константинович

Романов

Постановление Уральского областного Совета от 19 мая 1918 г. об отъезде из Екатеринбурга в Алапаевск великих князей. Личные автографы (сверху вниз): Великая княгиня Елизавета Федоровна, старшая сестра Александры Федоровны, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия, великий князь Иоан Константинович, княгиня Елена Петровна, сербская королевна, жена Иоана Константиновича, князь Константин Константинович, князь Игорь Константинович, князь Владимир Палий, великий князь Сергей Михайлович Романов (публикуется впервые).

Великий князь Константин Константинович
(май 1918).

Место расстрела великих князей под Алапаевском (1918).

Останки трупов великих князей Романовых,
извлеченные из шахты по приказу И. А. Сергеева,
члена Екатеринбургского окружного суда,
вблизи Верхне-Синячихинского завода Алапаевского
района (1918).

Члены Президиума Уралсовета,
подписавшие постановление о расстреле.
Слева направо: Н. Г. Толмачев, А. Г. Белобородов,
Г. И. Сафаров, Ф. И. Голощекин.

П. М. Быков (1888—1953).
Первый председатель исполкома Екатеринбургского
Совета.
Автор книги «Последние дни Романовых» (1918).

Ф. И. Лукоянов (1894—1940).
Председатель Уральского областного ЧК.
Один из руководителей расстрела семьи Романовых
в Екатеринбурге (1921).

*К. А. Мячин (известен под фамилией В. В. Яковлев)
(1886—1938), особоуполномоченный ВЦИК
и руководитель отряда особого назначения
по организации переезда семьи Романовых
из Тобольска в Екатеринбург (1925).*

Я. М. Юровский (1878—1938).
Комендант дома особого назначения с 4 июля 1918 г.,
участник расстрела семьи Романовых
в Екатеринбурге (1918).

П. З. Ермаков (1884—1952).

Участник трех революций и гражданской войны,
начальник отряда Красной гвардии Верх-Исетского
завода, участник расстрела семьи Романовых (1918).

Г. П. Никulin (Окулов) (1884—1965).
Начальник внутренней охраны, заместитель
коменданта дома особого назначения (1919).

Участники расстрела брата царя великого князя
Михаила Александровича в Перми.
Слева направо: А. В. Марков, Н. В. Жужков,
Г. И. Мясников, В. А. Иванченко,
И. Ф. Колпащиков (1920).

*На этом месте до 1977 г. находился дом Ипатьева
(июнь 1990).*

*Крест, установленный на месте расстрела
царской семьи (август 1990).*

Ганина Яма — место первоначального захоронения царской семьи, д. Коптяки Свердловской области (июнь 1990).

ГЛАВА IX

Советский Урал

Сотни лет под плетьми и батогами, по приказам временщиков — начальников края, томились уральские рабочие, переходя от сохи к домне, с покоса — в сырой первобытный рудник. Не мудрено, что у населения горнозаводского Урала с давних лет вкоренилось чувство протеста против заводской каторги и поддерживавшего ее самодержавия.

Многочисленные заводские бунты, подавляемые с беспощадной жестокостью, выдвинули из массы уральского пролетариата целый ряд борцов, объединившихся к революции 1905 г. в ячейки с.-д. партии. Много лет Урал был окраиной, где прочнее всех из революционных организаций чувствовали себя большевики. После Февральского переворота партия вышла из подполья, имея уже надежное ядро работников, прочно связанных с самыми низами рабочих. Этим, между прочим, объясняется та сравнительная легкость, с которой была проведена Октябрьская революция на Урале.

Переход власти к Советам произошел фактически еще за несколько месяцев до переворота в Петрограде. Еще в августе 1917 г. постановлением Окружного Совета были национализированы такие крупные предприятия, как ткацкая фабрика Жирякова и Нязе-Петровский завод, Кыштымского округа.

После Октябрьской революции советское строительство пошло ускоренным темпом. Областной съезд Советов, третий по счету, состоявшийся в Екатеринбурге в феврале 1918 г., объединил все Советы Урала. На этом съезде в Исполнительный комитет были избраны почти исключительно большевики, представители заводов Урала. Исполнительный комитет выделил президиум в составе: А. Г. Белобородова (председатель), Г. И. Сафарова, Б. В. Дидковского, И. Голощекина (Филипп) и Н. Г. Толмачева.

Вопрос о положении Романовых в Тобольске и воз-

можности их побега начал ставиться в частных совещаниях партийных организаций и Областного Совета с февраля 1918 г. Сообщения товарищей о наплыве в Тюмень и Тобольск офицерства и существовании там организации, поставившей целью освобождение Романовых, заставили еще внимательнее отнестись к этому вопросу.

В начале марта президиум Областного Совета постановил обратиться в ВЦИК с предложением о переводе Романовых в Екатеринбург. Не дождаясь ответа центра, им было решено послать в Тобольск экспедицию, которая выяснила бы на месте положение и приняла предварительные меры к увозу царской семьи. Для выполнения этого постановления был спешно разработан предварительный план, по которому несколько групп надежных рабочих большевиков должны были поехать в Тобольск и его окрестности. Были предположения, что, в случае побега, Романовых увезут или на Обдорск, где можно было сесть на английский пароход, или по тракту через Ишим — на Дальний Восток. На эти пути были посланы две боевые группы из надеждинских рабочих, которые и проехали с завода северным путем, через Никито-Ивдель и Укладовы Юрты, в Березов. Каждой группе было поручено следить за всеми проезжающими со стороны Тобольска в указанных направлениях и, в случае бегства Романовых, во что бы то ни стало задержать их.

Появление надеждинских рабочих в Березове возбудило, естественно, подозрение у местных властей. Власть там еще находилась в руках агентов Временного правительства, и экспедиция вскоре была арестована.

Одновременно из Екатеринбурга была выслана застава на дорогу Тобольск — Тюмень. В эту группу входили екатеринбургские рабочие. Они остановились в селе Голопутовском, где выдавали себя за торговцев. Здесь же жили несколько офицеров, находившихся в связи с организацией, подготовившей побег Романовых. Благодаря некоторым промахам со стороны «группы» (обилие новых «царских» денег, плохо спрятанное оружие, предательство квартирной хозяйки), участники ее были арестованы и приведены на сход, где при обыске у них были найдены документы, изобличающие их настоящую задачу в Голопутовском. По подстрекательству офицеров и кулаков все члены группы были тут же убиты крестьянами. Впоследствии в Голопутовское была послана карательная экспедиция, которая и воздала должное защитникам царя.

Наиболее удачной оказалась экспедиция в самый Тобольск, обставленная более конспиративно. Туда была направлена одна из екатеринбургских партийных работниц Т. Наумова. В Ялуторовском уезде у нее жила мать, и приезд ее подозрений не возбудил. Вскоре за ней туда же приехал, под видом ее жениха, матрос Н. Хохряков. Вслед за ними поодиночке проехали с подложными «торговыми» паспортами т. Заславский и позже А. Авдеев. Этой группе Областным Советом даны были чрезвычайные полномочия по принятию всех мер к недопущению освобождения Романовых. В помохь им в начале апреля был выслан небольшой отряд надежных красногвардейцев, пробравшихся в Тобольск небольшими группами и поодиночке. Часть из них были латыши.

Слухи о прибытии этой группы произвели в Тобольске большое беспокойство. Монархисты в этой конспиративной организации чувствовали определенную угрозу себе. Охрана Романовых тоже беспокоилась. Волновались и представители Омска — Дуцман и Демьянов, не зная точно планов приехавших в Тобольск уральцев. Дело дошло даже до ареста Хохрякова. Только переговоры с Омском и Екатеринбургом устранили взаимное недоверие.

В подобной обстановке говорить о перевозке Романовых на Урал было невозможно, так как и охрана Романовых и омичи требовали на это разрешение центра. Считаясь, однако, с нерешительностью омичей, уральцы принимали все меры к тому, чтобы подчинить все отряды своему влиянию, чего отчасти им и удалось добиться.

Одновременно с этим уральцы, совместно с бывшими в Тобольске коммунистами, повели агитацию за перевыборы Совета. В результате этой кампании меньшевики, эсеры и кадеты были изгнаны из Совета, и председателем нового Совета был избран упомянутый выше Хохряков. С этих пор Совет начал принимать близкое участие в деле охраны Романовых. Между прочим, на одном из его первых заседаний было решено перевести Романовых и их свиту «на гору», в тюрьму, где с этой целью было приступлено к ремонту помещения. Впоследствии необходимость такого перевода отпала сама собой, так как ВЦИК было решено перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург.

Одновременно с посылкой экспедиции в Тобольск Уральский областной исполком начал переговоры с центром о переводе Романовых на Урал. В Москву, куда

в это время переехало центральное Советское правительство, был командирован член президиума Совета — областной военный комиссар И. Голощекин. На заседании ВЦИК им был сделан доклад о положении дел в Тобольске и о необходимости принятия срочных мер по отношению к царской семье. Президиум ВЦИК согласился на перевод Николая Романова в Екатеринбург, при условии личной ответственности за него Голощекина, старого партийного работника, хорошо известного ЦК партии. Для организации перевозки бывшего царя ВЦИК решил послать особого комиссара, о чем было сообщено через Голощекина Уралсовету.

В Екатеринбурге в это время от Хохрякова и Заславского получились неутешительные вести о растущем к ним недоверии со стороны охраны и омичей, об общем оживлении со стороны монархистов, находившихся в большом числе в Тобольске.

В апреле И. Голощекин был командирован по партийно-советским делам в Уфу. Здесь он встретился с особоуполномоченным ВЦИК Яковлевым, у которого был мандат на перевоз Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург и передачу его Уралсовету, под ответственность Голощекина.

В Уфе в распоряжении Яковлева, для охраны Романовых в пути, был предоставлен конный отряд из рабочих Миньярского завода, под начальством Зенцова, называвшийся ранее «отрядом по охране народного достояния». К этому отряду были присоединены еще 60 уфимских боевиков с несколькими пулеметами. Кроме того, Голощекин, с своей стороны, сделал распоряжение о подчинении Яковлеву в Тобольске Хохрякова, Заславского, Авдеева и вообще всех уральских отрядов.

Спустя несколько дней Яковлев со своим отрядом выехал через Челябинск в Екатеринбург. Только в дороге руководителям и некоторым партийным работникам отряда была объявлена задача экспедиции¹.

Ознакомившись по приезде в Екатеринбург с положением дел, Яковлев выехал в Тюмень. Здесь его встретил Авдеев, командированный из Тобольска за новыми подкреплениями и полномочиями, так как положение в Тобольске со дня на день ухудшалось.

Встретив Яковлева и получив от него предписание

¹ Зенцов. Воспоминания. Уфа.

Голощекина присоединиться к новой экспедиции, Авдеев вместе с Яковлевым, Зенцовым и отрядом вернулся в Тобольск.

Несколько раньше Уральский областной исполнком, получая из Тобольска тревожные сведения и не имея точных директив центра, решил выслать в Тобольск новое подкрепление в составе одной роты, под командой Бусяцкого. Новому отряду дано было задание доставить Николая Романова «живым или мертвым», для чего Бусяцкий должен был совместно с Хохряковым и другими разработать в Тобольске план действий, объединив все силы, поддерживающие уральцев, и, в случае надобности, открыть военные действия против защитников Романовых.

Отряд Бусяцкого проехал Тюмень на день-два раньше Яковлева. Предварительное изучение настроения в попутных деревнях уже показало, что кулаческое население этих деревень вполне подготовлено к бегству Романовых и готово оказать им и организаторам их бегства всяческую поддержку.

Отряд Бусяцкого продвигался сравнительно медленно, и конный отряд Яковлева скоро его нагнал. Оба отряда объединились и под общим руководством Яковлева двинулись дальше и 22 апреля прибыли в Тобольск.

ГЛАВА X

Мимо Урала нет пути

Приезд комиссара из Москвы сильно взволновал обитателей губернаторского дома. «Большой мандат» Яковleva, в котором говорилось, что вся охрана Романовых переходит в его ведение и неисполнение распоряжений комиссара будет караться вплоть до расстрела, производит сильное впечатление на всех заключенных. 22 апреля Жильяр записал в своем дневнике: «Сегодня прибыл московский комиссар с небольшим отрядом; его фамилия Яковлев. Все тревожатся, томятся. В приезде комиссара чувствуется угроза, хотя пока неопределенная, но реальная»¹.

На другой день после приезда в Тобольск Яковлев явился в дом губернатора и опросил всех заключенных, не имеют ли они каких претензий или жалоб на охрану. Никаких заявлений от Романовых не поступило. Здесь же Яковлев выяснил, что увоз бывшей царской семьи усложняется болезнью Алексея, который, в связи с приступом гемофилии, не мог вставать с постели. Несмотря на это неожиданное затруднение, Яковлев все же решил увезти из Тобольска хотя бы одного Николая.

25 апреля днем Яковлев объявил Романову, что он должен увезти его из Тобольска.

Николай, не задумываясь, резко ответил: «Я никуда не поеду!», повернулся и ушел в свою комнату, где его ожидали Александра и наиболее близкие из приближенных, в том числе и полковник Кобылинский. При обсуждении создавшегося положения Кобылинский высказал предположение, что бывшего царя, вероятно, хотят везти в Москву, и в доказательство этого сослался на расчет времени, который производил Яковлев накануне, в связи с необходимостью вернуться обратно в Тобольск за больным Алексеем. Это предположение показалось участникам семей-

---

¹ Жильяр П. Трагическая судьба... С. 63.

ногого совета весьма достоверным, и было решено, что Николай должен подчиниться. Тогда Александра заявила, что и она едет вместе с Николаем, так как не решается его отпустить одного, боясь, что он сделает какую-либо «глупость». «При этом,— говорит Кобылинский,— она упомянула что-то про Родзянко. Безусловно, государыня намекала на акт отречения государя от престола»¹.

В тот же день Яковлев вновь пришел в губернаторский дом и вызвал Романова. Николай вышел не один, его сопровождала жена.

На вопрос Яковлева, подчинится ли Николай распоряжению Советской власти о выезде из Тобольска, ответила Александра: «Да, он поедет, только я его одного не пущу, а с ним поеду и я». Николай лишь спросил, когда надо ехать.

Ехать было решено в тот же день, ночью. Так как река еще не вскрылась, переезд до Тюмени необходимо было сделать на лошадях.

Яковлев предложил Романовым взять с собой еще несколько человек, указав на желательность меньшего количества сопровождавших,— река Тобол скоро вскроется, и тогда легко будет доставить остальных с багажом на пароходе.

Ведя переговоры с Романовым, Яковлев, как это подтверждают Матвеев и Жильяр, заявил определенно, что их везут в Москву. Александра Федоровна выразила по этому поводу сомнение — так как слухи о переводе Романовых на Урал ходили в Тобольске со времени приезда туда екатеринбуржцев — и спросила Яковлева, окончательно ли решен этот вопрос. Яковлев ответил утвердительно.

Чем руководствовался он в это время, имея предписание везти семью на Урал,— трудно сказать.

Накануне отъезда по городу стали распространяться слухи, что Яковлев намерен, вопреки решению центра, везти Романовых не на Урал, а в Москву. Поведение Яковлева, вызывавшее и ранее немало подозрений, заставило уральцев обратить внимание на эти слухи. По инициативе уральцев было организовано при Исполкоме совещание. На нем всеми высказывалось определенное недоверие к Яковлеву и было постановлено, в случае необходимости, произвести нападение на его отряд в пути с целью отбить Романовых.

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 45.

Со своей стороны, Яковлевым было созвано общее собрание солдат тобольской охраны, от которых он хотел заручиться доверием и поддержкой.

Нужно сказать, что солдаты охраны не совсем доверчиво относились к Яковлеву и на собрании потребовали от него, чтобы они также сопровождали Романовых. Яковлев решительно воспротивился этому, указывая на надежность своего отряда. Солдаты настаивали. В конце концов он согласился взять из охраны 8 человек, которые и были им лично выделены тут же, на собрании. Таким путем Яковлеву удалось заручиться доверием охраны, и тем было упрочено его положение в Тобольске.

На семейном совете Романовых решено было, что с Николаем поедут, кроме Александры, дочь Мария, доктор Боткин, Долгоруков, Чемадуров (камердинер Николая), Демидова (горничная Александры) и Седнев (слуга княжен).

Хотя переезд в Москву и был, в глазах Романовых, более желательным, чем на Урал, тем не менее они понимали, что как в том, так и в другом случае их надежды на побег рушатся окончательно. Еще дня за два до отъезда они посылают в московскую организацию монархистов, по условному шифру, тревожную телеграмму, прося совета и помощи. В ней говорилось: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное».

Упоминавшийся нами монархист Кривошеин говорит, что ответ был примерно такого содержания: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей». Спустя короткое время тем же порядком из Тобольска была получена вторая телеграмма: «Необходимо подчиниться врачам»¹.

Несмотря на подчинение предписанию «врачей», Романовы страстно желают, чтобы момент отъезда был отдален.

Последней надеждой для них был разлив реки Тобола, который должен был произойти со дня на день.

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 105.

«Я знаю, я убеждена,— говорила Александра накануне отъезда,— что река сегодня же пойдет вечером, и тогда отъезд волей-неволей должен отложитьться. Это даст нам время, чтобы выйти из этого ужасного положения. Если надо чуда, я убеждена, что чудо будет»¹.

Но чудо не совершилось.

К четырем часам утра 26 апреля на двор губернаторского дома поданы были подводы. Ехать весь перегон до Тюмени можно было только на местных тарантасах-коробках. Удалось найти лишь один тарантас крытый, наподобие кареты.

В шесть часов утра пассажиры разместились по экипажам. С Николаем Романовым сел сам Яковлев, в крытую повозку сели Александра с Марией; остальные разместились в других коробках, и поезд двинулся в путь, окруженный конным отрядом Яковлева и восемью солдатами тобольской охраны, с двумя пулеметами.

Сразу пришлось переправляться через реку Иртыш. Лед был уже слабый, и переправа сопряжена была с известным риском. Колеса наполовину были в воде. Медленно, но благополучно поезд перебрался через реку.

Заранее по пути намечены были остановки, где приготавлялось путем «сгона» необходимое число подвод. Задержка выходила только из-за крытой повозки, которую приходилось перепрягать. На остановках Яковлев был весьма любезен с Романовыми и большою частью проводил время около Александры и Марии, развлекая их разговорами.

Ночевка назначена была в селе Бочалино, на берегу реки Тобола, при впадении в него р. Тавды под с. Иовлевым. Сюда приехали уже довольно поздно. Для ночлега был отведен двухэтажный дом.

Наружная охрана дома была поручена отряду Яковлева, а на внутреннюю были поставлены восемь человек, взятых из тобольской охраны. У Романовых были с собой походные кровати, благодаря которым они расположились в отведенной им комнате с некоторым удобством.

Несколько раньше в Иовлево приехал Заславский с небольшим отрядом и пулеметами. За отрядом Яковлева следовали, под командой Бусяцкого, уральцы, которые также остановились в Бочалине. У них окончательно устоявшееся мнение о ненадежности Яковлева. В первый

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 46.

момент даже мелькала мысль о необходимости отбить у него царскую семью. Подозревая об этом, Яковлев, не дожидаясь нападения со стороны уральцев, вызвал к себе помощника Бусяцкого и арестовал его. Однако столкновения не произошло, так как Яковлев освободил арестованного. Заславский же отказался от нападения на отряд, считая более целесообразным настаивать на доставке Романовых в Екатеринбург.

В 8 часов утра Яковлев с Романовыми отправился в дальнейший путь. Река Тобол, через которую предстояла новая переправа, уже местами вскрылась, и для предосторожности решено было перейти на другой берег пешком, частью по льду, а местами через полыни, по наскоро сколоченным мосткам.

К вечеру приехали в Покровское. Ожидавшая поезда смена лошадей расположилась как раз напротив дома Распутина. Во всех окнах распутинского дома были люди, махавшие белыми платками. Александра, сидя в своем тарантасе, отвечала на приветствия.

На последней остановке перед Тюменью «путешественников» встретил председатель Тюменского Совета Немцев. После переговоров с Яковлевым он выехал в Тюмень, а через некоторое время туда двинулся и отряд Яковleva с Романовыми. Из Тюмени навстречу был выслан эскадрон кавалерии, встретивший их в нескольких километрах от города.

27 апреля, поздно вечером, приехали в Тюмень, где подан был поезд для дальнейшего следования в Екатеринбург. Романовы были помещены в средних купе вагона 1 класса; боковые купе были заняты Яковлевым и частью охраны. Посадку в вагоны закончили к часу ночи. В это время на станцию приехал Немцев, и Яковлев вместе с ним пошел на телеграф, к прямому проводу с Москвой. Вернувшись с «проводом», Яковлев сообщил своим товарищам и Авдееву, которого из вагона от себя уже не отпускал, что, по распоряжению центра, он должен везти Романовых не в Екатеринбург, а в Москву, через Омск — Челябинск — Самару. Авдееву удалось сообщить об изменении маршрута товарищам из отряда уральцев с просьбой известить об этом Екатеринбург.

Около 5 часов утра 28 апреля поезд с Романовыми двинулся по направлению к Омску.

Еще до отъезда Яковleva из Тобольска президиум Областного Совета Урала выслал в Тюмень специального комиссара, который по телеграфу должен был регулярно

сообщать президиуму о движении Романовых от Тобольска до Тюмени и своевременно уведомить об отходе поезда в Екатеринбург. По всем расчетам поезд должен был выйти из Тюмени рано утром 28 апреля. Внезапно поступление телеграмм из Тюмени прекратилось и условленной на 6 часов утра телеграммы об отправке поезда не было получено. На запросы президиума Областного Совета также никакого ответа не поступило, и лишь в 10 часов утра пришло сообщение, что поезд рано утром ушел из Тюмени, при потушенных огнях на всех стрелках, по направлению на Омск. Телеграмму об этом дал Бусяцкий, приехавший со своим отрядом в Тюмень уже после отъезда оттуда Яковлева.

Было созвано экстренное собрание президиума Совета с участием представителей областных комитетов партии коммунистов и левых эсеров. Совещание решило объявить Яковлева изменником революции и дать о случившемся телеграмму «всем, всем...»

В этой телеграмме, разосланной немедленно, было указано, что Яковлеву ВЦИК поручил организовать и произвести перевозку Романовых из Тобольска в Екатеринбург. Несмотря на это, без ведома Уралсовета, он направил поезд на Омск. Телеграмма заканчивалась объявлением Яковлева изменником революции и ставила его вне закона.

Одновременно Областной Совет снесся по прямому проводу с Омском, где председателем Сибзапсовета был в это время старый коммунист т. Косарев, и потребовал от него немедленных и решительных мер для противодействия проезду поезда в Сибирь или на Челябинск (через ст. Куломзино). Омский Совет немедленно выслал значительные силы на ст. Куломзино, дав распоряжение остановить поезд Яковлева и повернуть его обратно в Тюмень.

В эти дни в Екатеринбурге происходила 4-я Уральская областная конференция РКП(б), на которую съехалось 102 делегата от 57 организаций Урала, представлявших 30278 членов партии.

Конференция одобрила действия партийного комитета и Областного Совета, и в частном совещании большинство делегатов с мест высказывалось за необходимость скончайшего расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и восстановлению в России монархии.

Направив поезд на Омск, вопреки указаниям Москвы и Областного Совета Урала, Яковлев пытался убедить ехавшего с ним в одном купе Авдеева в том, что целесообразнее везти Романовых в Москву, так как при назначении его в эту ответственную командировку в личной инструкции ему было указано на необходимость охраны Романовых от всяких покушений, а со стороны Заславского Яковлев боялся покушения на жизнь Романовых.

Авдеев протестовал против действий Яковleva, но, будучи в вагоне один и являясь фактически заложником-уральцем, а не полномочным представителем Уралсовета, принужден был продолжать с ним путешествие на Омск.

С приближением к Омску Яковлев узнал от железнодорожной администрации о телеграмме Уралсовета. От администрации же он узнал, что Омск готовится задержать поезд и выслал с этой целью вооруженные части на ст. Куломзино, откуда поезд должен был свернуть на Челябинск. Яковлев устроил совещание со своими помощниками и решил остановиться на ст. Люблинской, откуда с паровозом и одним вагоном, в сопровождении нескольких своих товарищей, он выехал ночью 28 апреля в Омск.

В Омске представитель Запсибсовета, на основании переговоров с Уралсоветом, предложил ему везти Романовых в Екатеринбург. Яковлев настоял на новых переговорах по прямому проводу с Москвой. Совместно с представителем Запсибсовета он вызвал к прямому проводу Я. М. Свердлова и изложил обстоятельства, по которым он решил изменить маршрут. Из Москвы было получено предложение везти Романовых в Екатеринбург, где и сдать их Областному Совету Урала.

Видя, что силой через Куломзино не проедешь, Яковлев решил на этот раз подчиниться распоряжению центра.

Со ст. Люблинской поезд пошел обратно на Тюмень. Хотя действительная причина изменения маршрута от Романовых скрывалась и возвращение поезда было объяснено порчей железнодорожного моста, но из отрывочных разговоров и недомолвок Романовы, видимо, поняли, что их везут уже не в Москву.

Тюмень проехали ночью. Здесь поезд поджидал Бусяцкий со своим отрядом. Как только выяснилось, что поезд прошел, не останавливаясь, Бусяцкий заказал новый состав и двинулся вслед за Яковлевым.

В Камышлове утром Бусяцкий встретил командира своего полка Брайницкого, который с батальоном был послан навстречу Яковлеву, но поезда не видал. Вновь возникли сомнения, не свернул ли Яковлев со своим поездом по ветке из Богдановича на Шадринск. Из разговоров по проводу выяснилось, что поезд идет в Екатеринбург и Богданович уже прошел.

Утро 30 апреля застало Романовых в большой тревоге. Тов. Матвеев так рассказывает о настроении Николая перед приездом в Екатеринбург:

«Подъезжая к Екатеринбургу, я велел своим ребятам приготовиться, оделся сам и вышел на площадку вагона для того, чтобы проинструктировать часовых. Возвратившись в вагон, встретил Николая, выходящего из купе, где помещался я и другие товарищи.

Романов вдруг меня спрашивает:

— Скажите, вопрос определенно решен, что мы останемся в Екатеринбурге?

Получив от меня утвердительный ответ, он сказал:

— Я бы поехал куда угодно, только не на Урал.

На мое указание, что не все ли равно куда ехать, раз везде в России Советская власть, он ответил, что все-таки на Урале ему оставаться не хочется, так как, судя по местным газетам, уральские рабочие настроены резко против него»¹.

Когда поезд остановился на станции «Екатеринбург I», выяснилось, что к его приходу собралась громадная толпа, требовавшая показать ей Романовых. По соглашению с представителем Областного Совета, было решено поезд отвести обратно на ст. «Екатеринбург II», лежащую с другой стороны города. Там и должны были высадить Романовых.

---

¹ Из неизданной рукописи П. М. Матвеева. Царское Село — Тобольск — Екатеринбург.

ГЛАВА XI

В столице Урала

На станции прихода поезда ожидали представители Областного Совета — Белобородов и Дидковский, которым Яковлев и должен был передать Романовых. Последние были посажены в автомобиль, на переднее сиденье которого, рядом с шофером, сел Дидковский. На втором автомобиле поехали Белобородов и Авдеев. Оба автомобили без всякой охраны проехали в город.

Еще до приезда Романовых в Екатеринбург для них, по распоряжению Совета, был приготовлен особняк инж. Н. Н. Ипатьева на углу Вознесенского проспекта, вернее площади (теперь ул. Карла Либкнехта и площадь Народной мести), и Вознесенского переулка, расположенный на вершине холма, господствующего над городом. По Вознесенскому переулку начинается спуск к большому пруду, расположенному в центре города, и, таким образом, дом Ипатьева находится на косогоре, так что из двух этажей нижний с одной стороны полуподвальный, с другой — находится выше уровня улицы. Вход в верхний этаж с площади, причем между уровнем площади и подъездом устроен спуск для экипажей и пешеходов. Здание было выбрано удачно, как находящееся в центре города и удобное в стратегическом отношении.

Владельцу дома предложено было в 24 часа освободить дом. Все вещи, кроме мебели, были снесены в кладовые, принятые под расписку представителей Совета и опечатаны. Вокруг дома был устроен наскоро забор, защищающий дом от взглядов с улицы. Впоследствии по фасаду дома по косогору и с площади, а также вдоль сада, находящегося ниже дома, был поставлен второй высокий забор.

Вечером того же дня было созвано совещание Областного исполкома, на которое вызвали Яковлева. Последний явился на заседание с некоторыми из своих товарищей и гвардейцами тобольской охраны. Исполком заслушал доклады Заславского и Авдеева. Они указывали на недо-

пустимое «верноподданническое» отношение Яковлева к Романовым и в Тобольске и во время пути и требовали немедленного производства обыска в поезде, обезоруживания гвардейцев и ареста Яковлева.

На предъявленные к нему обвинения Яковлев отвечал, что хотя он и получил в Москве распоряжение доставить Романовых в Екатеринбург, однако, имея словесное указание Я. М. Свердлова — охранять Романова всеми средствами — и учитывая настроение в Тобольске Заславского и Авдеева, подготовлявших, по его убеждению, покушение на Романовых, он решил донести ВЦИК о своих опасениях, связанных с переводом Романовых на Урал.

Разговоры с ВЦИК велись по прямому проводу, и Яковлев представил Уралсовету ленты аппарата. Из этих записей видно было, что Яковлев, не доверяя Уралсовету и стремясь сохранить «особу» Николая Романова, просил у ВЦИК разрешения увезти бывшего царя к себе на родину, в Уфимскую губернию, и, до поры до времени, скрыть в известном ему месте — «в горах». ВЦИК это предложение, конечно, отверг.

Тогда Яковлев, по его словам, не решаясь ехать в Екатеринбург прямо из Тюмени, так как боялся нападения на поезд со стороны Заславского, повез Романовых окружным путем, через Омск (Куломзино) и Челябинск.

Конечно, объяснения эти Уралсовет не удовлетворили, но поскольку Романовы были уже под надежной охраной в доме Ипатьева, решено было Яковлева отпустить в Москву.

Ему была выдана официальная расписка за подписью председателя Совета Белобородова и его заместителя Дидковского в том, что Уралсовет получил доставленных из Тобольска: 1) быв. царя Николая Александровича Романова, 2) быв. царицу Александру Федоровну Романову, 3) быв. в. к. Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.

Яковлев и его отряд уехали, а 8 гвардейцев прежней охраны, во главе с прапорщиком Матвеевым, были разоружены и отправлены обратно в Тобольск.

Назначение Яковлева чрезвычайным комиссаром ВЦИК было, безусловно, ошибочно. Впоследствии он изменил революции. После возвращения в Москву он был назначен на ответственный пост на Самарский фронт и в октябре 1918 г. бежал к белым с несколькими офицерами.

Вскоре в уфимских белогвардейских газетах появилось его письмо, в котором Яковлев раскаивался в своих большевистских «грехах». По словам Р. Вильтона, Яковлев получил затем назначение на южный фронт в одну из белых армий.

Как только открылась навигация, оставшиеся члены царской семьи были также перевезены в Екатеринбург. 20 мая их поместили на тот же пароход «Русь», на котором они приехали в Тобольск. С ними отправилось 27 человек «свитских» и прислуги.

Рано утром 23 мая дети Романовых приехали на ст. Екатеринбург, откуда их на извозчиках отвезли в дом Ипатьева. Из сопровождавших их в Екатеринбург ген. Татищев, Гендрикова, Шнейдер и Волков были сразу отправлены в тюрьму. Через несколько дней туда же были отправлены: Чемодуров, Нагорный, Иван Седнев, приехавший вместе с бывш. царем еще в апреле. К Романовым были допущены лишь 5 человек: доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп, поваренок Леонид Седнев и комнатная девушка Демидова.

Всем остальным, кроме заключенных в тюрьму и доктора Деревенько, было предложено покинуть пределы Урала. Деревенько было разрешено остаться в Екатеринбурге, где он и проживал на свободе.

Только теперь, с переездом на Урал, Романовы действительно были переведены на режим арестованных. Они находились под самым бдительным надзором охраны, состоявшей из рабочих бывшей фабр. братьев Злоказовых и Сысертского завода. «Достаточно простого взгляда на чертежи Ипатьевского дома,— пишет Н. Соколов,— чтобы понять, что при такой системе караулов царская семья была в западне, в безвыходном положении».

Внутренний режим жизни Романовых также значительно изменился. Не было уже того довольства, той сравнительно большой свободы, которой они пользовались в Тобольске.

«День проходил обычно так,— рассказывает камердинер Чемодуров,— утром вся семья пила чай; часа в 2 — обед, который присыпали уже готовым из местного Совета рабочих депутатов (из местной советской столовой.— П. Б.); обед состоял из мясного супа и жаркого, на второе чаще всего подавались котлеты; к ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только один раз в день, в течение 15—

20 минут. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле, третий близ уборной»¹.

Как видим, обстановка жизни Романовых в доме Ипатьева мало напоминала их тобольское заключение.

---

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 128.

ГЛАВА XII

Последние дни Романовых

Установив надежный надзор за Романовыми и приняв меры к предупреждению каких-либо покушений на освобождение их из «дома особого назначения» (так назывался в то время дом Ипатьева), Областной Совет занялся вопросом о дальнейшей участи семьи.

На одном из своих заседаний Совет единодушно высказался за расстрел Николая Романова. Все же большинство Совета не хотело брать на себя ответственности без предварительных переговоров по этому вопросу с центром. Решено было вновь командировать в Москву Голощекина для того, чтобы поставить вопрос о судьбе Романовых в ЦК партии и президиуме ВЦИК.

В Москве этот вопрос также занимал руководителей центральных организаций. Когда Голощекин в первый же день явился в президиум ВЦИК, то он, между прочим, встретил у Свердлова представительницу ЦК партии эсеров М. Спиридовону, настаивавшую на выдаче Романовых эсерам для расправы с ними.

Президиум ВЦИК склонялся к необходимости назначения над Николаем Романовым открытого суда. В это время созывался V Всероссийский съезд Советов. Предполагалось поставить вопрос о судьбе Романовых на съезде — о том, чтобы провести на нем решение о назначении над Романовыми открытого суда в Екатеринбурге.

Однако, по докладу Голощекина о военных действиях на Урале, где в связи с выступлением чехо-словаков положение не было прочно и можно было ожидать скорого падения Екатеринбурга, вопрос был перерешен. Постановлено было вопроса на съезде, который мог затянуться, не ставить. Голощекину предложено было ехать в Екатеринбург и к концу июля подготовить сессию суда над Романовыми.

Действительно, гражданская война на Урале все разрасталась. Выступившие в начале зимы дутовские казачьи

банды были разбиты силами партизанских отрядов уральских рабочих, но на смену Дутову пришли чехо-словаки. Чехо- словацкий мятеж сразу превратил Урал и Зауралье в арену ожесточенных битв полупартизанских рабочих отрядов с регулярными чехо- словацкими частями, пополненными силами белогвардейского офицерства и добровольцев. Екатеринбургу, как центру красного Урала, пришлось в ударном порядке формировать из уральских рабочих дружины, отряды, полки, из которых впоследствии были построены первые части регулярной Красной Армии.

Опасность сдачи Урала белогвардейским бандам была слишком очевидна, и на борьбу с ними отдавались все силы. Не мудрено, что в этой обстановке широкие массы трудящихся мало интересовались судьбой бывшей царской фамилии, сидевшей под надежной охраной.

Между тем с первых дней перевода Романовых в Екатеринбург сюда стали стекаться в большом количестве монархисты, начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс всякого рода, вплоть до монашек, духовенства и представителей иностранных держав.

Корреспонденция, поступавшая от них на имя Николая, состояла преимущественно из поздравительных писем и соболезнований. Нередко проскальзывали и письма явно ненормальных людей, с описанием своих снов, видений и т. п. ерунды.

Просьбы о свидании как с Николаем, так и с другими представителями дома Романовых были довольно часты. Мотивировки были самые разнообразные: «повидаться, так как состоят в родстве», «услужить, что надо будет» и т. д. Но доступ к Николаю был ограничен чрезвычайно узким кругом лиц из членов Областного Совета Урала. Вообще же разрешения на свидания с Николаем давались ВЦИК. Поэтому бесконечные попытки тех или иных лиц проникнуть на свидание кончались неудачей.

Почти одновременно с переводом семьи Романовых в Екатеринбург были высланы из Вятки и другие члены семьи. Сюда приехали бывш. в. к.: Сергей Михайлович, Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович и князь Палей, сын в. к. Павла Александровича. Здесь же находилась и высланная из Москвы вдова убитого в свое время в. к. Сергея Александровича — Елизавета Федоровна. Все эти лица жили в гостиницах под сравнительно слабым надзором и свободно разгуливали по городу. Среди екатеринбургской буржуазии было

много доброжелателей, охотно приглашавших «высоких гостей» на свои закрытые вечеринки, где создавалась тайная организация для освобождения Романовых.

Об этом рассказывает на страницах монархического журнала некто Е. Семчевская, жена офицера академии генштаба. По ее словам, на устраиваемых «интимных вечерах» с участием великих князей быстро удалось создать активную группу из 37 офицеров, «готовых на все» для спасения династии. Однако последние предпочли уйти из города к чехо-словакам, «чтобы ускорить падение Екатеринбурга и тем освободить членов царской семьи»¹.

По свидетельству Дитерихса², в середине июня из Одессы приехал в Екатеринбург видный монархист — старый офицер, бывш. флигель-адъютант Ив. Ив. Сидоров, с целью освобождения царской семьи.

В Екатеринбурге он сошелся с доктором Деревенько, которому разрешалось бывать у больного Алексея в «доме особого назначения». Через Деревенько он наладил снабжение Романовых продуктами и обмен письмами.

Белогвардейские организаторы действовали довольно открыто. Пользуясь поддержкой осмелевшей, в связи с близостью фронта, буржуазии, они готовились в удобный момент поднять в городе восстание с целью освобождения Романовых из Ипатьевского дома. Успех такой попытки не был исключен. В это время в Екатеринбурге находилась переброшенная из центра Военная академия генерального штаба, слушатели которой состояли исключительно из бывших офицеров, представлявших готовую организационную силу для антисоветских выступлений.

Все же Областной чрезвычайной комиссии удалось напасть на след этих организаций, и некоторые из активных белогвардейцев были арестованы.

Среди других лиц, имевших близкое касательство к семье Романовых, были арестованы: некий майор сербской службы Мигич, фельдфебель Божечич и Смирнов — управляющий делами сербской королевны Елены Петровны — жены бывшего в. к. Ивана Константиновича, также высланной в Екатеринбург. Эти лица явились в Областной Совет как делегаты сербского посланника Спалайко-

¹ Семчевская Е. Воспоминания о великих князьях // Двуглавый орел. Берлин, 1921. № 15.

² Дитерихс М. К. Убийство царской семьи. С. 376.

вича, сначала, чтобы узнать у Николая Романова мнение об окончании войны, а затем, когда Совет в этом им категорически отказал, выступили с ходатайством о разрешении бывш. княгине Елене Сербской выехать в Петроград, на что будто бы имеется разрешение центральной власти. По справкам, наведенным Областным Советом в Москве и Петрограде, оказалось, что просьбу сербского посланника Спалайковича о разрешении Елене Романовой отъезда в город Петроград Президиум ВЦИК отклонил. Было установлено, что указанная «сербская миссия» находилась в тесной связи с монархическими организациями, обосновавшимися в городе Екатеринбурге.

Чтобы хоть несколько разгрузить Екатеринбург от вдохновителей монархических организаций, по постановлению Областного Совета отправлены были в гор. Алапаевск все члены семьи Романовых, жившие на квартирах и в гостиницах.

Но этим еще не устранилась опасность контрреволюционных выступлений.

С приближением фронта и отступлением Красной Армии все смелее делаются попытки монархистов связаться с заключенными в «доме особого назначения».

В «приношениях» монашек местного монастыря часто попадаются записки не «монастырского» происхождения. В передаче их «доброжелатели» Романовых весьма изощряются. Помимо записок в хлебе, на пакетах и оберточной бумаге, обнаружена была записка даже в пробке бутылки с молоком.

«Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены,— пишут «друзья» в одной записке.— Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил, надо действовать».

«Друзья,— читаем в другой записке,— более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал...»

В московских газетах в свое время были опубликованы некоторые документы, подтверждающие существование плана похищения Романовых из Ипатьевского дома.

Дитерихс в своей книге приводит два характерных письма, указывающих на существование такого плана¹.

Анонимный корреспондент, обменявшийся письмами с Романовыми, пишет: «С божьей помощью и с вашим

¹ Дитерихс М. К. Убийство царской семьи. С. 58.

хладнокровием надеемся достичь нашей цели, не рискуя ничем. Необходимо расклейте одно из ваших окон, чтобы вы могли его открыть; я прошу точно указать мне окно. В случае, если маленький царевич не может идти, дело сильно осложнится, но мы и это взвесили, и я не считаю это непреодолимым препятствием. Напишите точно, нужны ли два человека, чтобы его нести, и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из вас. Нельзя ли было бы на 1 или 2 часа на это время усыпить «маленького» каким-нибудь наркотиком. Пусть решит это доктор, только надо вам точно предвидеть время. Мы доставим все нужное. Будьте спокойны. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно уверены в удаче заранее. Даем вам в этом торжественное обещание перед лицом бога, истории, перед собственной совестью». Письмо подписано: «Офицер».

С своей стороны и Романовы дают «информацию» о положении внутри дома.

Дитерихс там же публикует текст письма, написанного Николаем «на волю».

«Второе окно от угла, выходящего на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-е и 8-е около главного входа, тоже выходящие на площадь, точно так же всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану. Их 13 человек, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключением нашей, нет ключей. Комендант и его помощники входят к нам, когда хотят. Дежурный делает обход дома ночью два раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами брякает оружием. На балконе стоит один пулемет, а над балконом — другой, на случай тревоги. Напротив наших окон на той стороне улицы помещается стража в маленьком домике. Она состоит из 50 человек. Все ключи и ключ № 9 находятся у коменданта, который с нами обращается хорошо. Во всяком случае известите нас, когда представится возможность, ответьте, можем ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждого сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помещение охраны и другие пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть уверенным, что с ними ничего не случится».

В своем дневнике за 28 июня Н. Романов пишет: «Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые... Все

это произошло оттого, что на днях мы получили два письма одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы подготовились быть похищенными какими-то преданными людьми. Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны».

Романовы живут мыслью о скором освобождении. Сам Николай пытался отправить письмо в конверте с цветной подкладкой. Конверт был заподозрен, и когда подкладка была отклеена, под ней нашли план верхнего этажа «дома особого назначения» с подробным обозначением комнат и указанием их обитателей.

В угловой комнате, отдаленной от охраны, часто происходили какие-то совещания. Обычно в таких случаях семья высыпала в коридор Марию или Татьяну, которые и сидели на сундуке, занимаясь рукоделием. При появлении кого-либо из охраны они вставали и быстро уходили в комнаты.

Заключенным запрещено было вставать на окна, чтобы предупредить возможность сигнализации. Это распоряжение, однако, нарушалось, и старшая дочь бывш. царя, Татьяна, однажды даже высунулась в форточку окна, видимую с соседней улицы. Часовой наружной охраны, увидевший это, немедленно выстрелил. После этого случая семья стала исполнять приказы более точно.

Внутри дома заключенные принимали все меры к тому, чтобы расположить к себе охрану. Большой частью «адвокатом» Романовых был доктор Боткин, часто приходивший в комнату коменданта и пытавшийся ловкими разговорами выведать положение Романовых и отношение к их судьбе Областного Совета и центральной власти. Из семьи Романовых большую активность в этом деле проявляла Мария, при каждом удобном случае кокетничавшая с солдатами охраны.

Учитывая некоторую слабость охраны, в начале июля Областной Совет назначил комендантом дома члена президиума Областной чрезвычайной комиссии Я. М. Юровского и помощником его Г. П. Никулина. В составе отряда охраны также были произведены изменения, и в доме был установлен строгий режим, не допускавший никаких сношений заключенных с городом. У Романовых был произведен поверхностный осмотр вещей, и предложено было сдать все драгоценности. Романовы составили

опись вещей и сдали ее коменданту, оставив вещи у себя в комнате.

Одновременно с охраной Романовых от покушений со стороны белогвардейцев Областному Совету приходилось охранять Романовых и от другого рода «нападений». Левые эсеры и анархисты екатеринбургской организации, не уверенные в том, что большевики расстреляют бывшего царя, решили принять меры к этому собственными силами. Был разработан план нападения на «дом особого назначения» «боевиками» эсерами и анархистами, во время которого и предполагали расстрелять Романовых.

Однако ни это нападение, ни выступление белогвардейцев не осуществилось, если не считать попытки контрреволюционного выступления эвакуированных, которая была немедленно подавлена.

ГЛАВА XIII

Расстрел Николая Романова и его семьи

По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля, было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых.

Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся — фронт был слишком близок, и задержка с судом над Романовыми могла вызвать новые осложнения. Решено было запросить командующего фронтом о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положение фронта. Военное командование сделало в Областном Совете доклад, из которого видно было, что положение чрезвычайно плохое. Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступление с двух сторон. Силы Красной Армии недостаточны, и падения города можно ждать через три дня. В связи с этим Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендатуре дома, с помощью нескольких надежных рабочих-коммунистов.

На предварительном совещании в Областном Совете был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов.

Решение уничтожить трупы было принято в связи с ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать в руки контрреволюции возможности с «мощами» бывшего царя играть на темноте и невежестве народных масс. Последнее, как увидим, было весьма предусмотрительно. Белые после занятия Екатеринбурга много времени положили на то, чтобы отыскать «священные тела» членов царской семьи.

Вечером 16 июля лица, назначенные Областным Советом к исполнению приговора над Романовыми, собрались в комнате коменданта в «доме особого назначения». Комнаты верхнего этажа, где жила семья, были признаны

неудобными для выполнения приговора. Решено было перевести семью вниз в одну из полуподвальных комнат и там привести приговор в исполнение. До самого расстрела Романовы не знали о состоявшемся постановлении.

Около 12 ночи того же дня им было предложено одеться и сойти в нижние комнаты; чтобы не возбудить у них подозрения, было объяснено, что эта мера вызвана, якобы, предполагающимся в эту ночь нападением белогвардейцев на дом Ипатьева. С той же целью было предложено перейти вниз и остальным обитателям Ипатьевского дома. Мальчика Седнева, 11 лет, еще накануне взяли из Ипатьевского дома, поместив в доме напротив, где помещалась охрана.

Когда все они были переведены в нижний этаж, в намеченную для исполнения приговора комнату, им было объявлено постановление Уральского областного Совета. После чего тут же все 11 человек: Николай Романов, его жена, сын, четыре дочери и четверо приближенных — были расстреляны.

После расстрела трупы были перенесены в одеялах во двор дома и уложены в грузовой автомобиль. По заранее намеченному пути автомобиль выехал из города через пригородное селение, Верх-Исетский завод, на дорогу, ведущую в деревню Коптяки. На половине этой дороги, верстах в 8-ми от города, находится урочище «Четыре брата», получившее название от росших здесь раньше четырех больших сосен. Влево от дороги, в этом же районе, находятся старые заброшенные шахты, служившие когда-то для выработки железной руды. Район этот носит название «Ганиной ямы», по имени небольшого прудка, находящегося в центре выработок. Сюда по лесной дорожке, свернув с коптяковской дороги, и были привезены трупы Романовых. Временно их сложили в один из шурфов, а на следующий день было приступлено к их уничтожению.

На трупах Александры и дочерей обнаружили много драгоценностей — золота и бриллиантов, защитных в одежде, главным образом в лифы дочерей Романовых, бриллианты — в пуговицах платья и т. д. Вся одежда была тщательно просмотрена, и все ценные вещи собраны.

18 июля днем с «похоронами» было закончено и настолько основательно, что впоследствии белые, в течение двух лет производя специальные раскопки в этом районе, не могли найти могилы Романовых.

После приведения в исполнение приговора Областной Совет командировал в Москву Голощекина и Юровского,

которые и увезли с собой наиболее ценные вещи, взятые у Романовых, переписку их, дневники и все материалы, давшие основания Уралсовету расстрелять бывш. царя и его семью.

На состоявшемся 18 июля заседании президиума ВЦИК председатель его Я. М. Свердлов сообщил полученную по прямому проводу телеграмму о расстреле бывшего царя. Президиум ВЦИК, обсудив все обстоятельства, заставившие Областной уральский Совет принять решение о расстреле Николая Романова, постановил признать решение и действия Уралсовета правильными. В тот же вечер сообщение о расстреле сделано было и на заседании Совета народных комиссаров.

«При обсуждении проекта о здравоохранении, во время доклада т. Семашко, вошел Свердлов и сел на свое место, на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищ Свердлов просит слова для сообщения.

— Я должен сказать,— начал Свердлов обычным своим ровным тоном,— получено сообщение, что в Екатеринбурге, по постановлению Областного Совета, расстрелян Николай. Николай хотел бежать. Чехо-словаки подступали. Президиум ВЦИК постановил одобрить.

Молчание всех.

— Перейдем теперь к постатейному чтению проекта,— предложил Ильич.

Началось постатейное чтение¹.

19 июля Советом Народных Комиссаров был опубликован декрет о конфискации имущества Николая Романова и членов бывшего императорского дома. Под последними подразумевались лица, внесенные в родословную книгу бывшего императорского двора: бывший наследник цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини, великие княжны, бывшие князья, княгини, княжны императорской крови. Все их имущество было объявлено достоянием Советской республики.

О расстреле Романовых в Екатеринбурге официально было опубликовано 22 июля. Накануне об этом было сделано сообщение на рабочем митинге в городском театре, встреченное бурным выражением восторга.

Митингом была принята резолюция, в которой говорилось:

¹ Милютин В. Страницы из дневника // Прожектор. 1924. № 4.

«Казнь Николая Кровавого служит ответом и грозным предостережением буржуазно-монархической контрреволюции, пытающейся затопить в крови рабоче-крестьянскую революцию.

Все враги трудового народа объединились под знаменем восстановления буржуазно-помещичьего самодержавия.

Весь трудовой народ объединен под знаменем Социалистической советской республики. Борьба между ними идет не на жизнь, а на смерть, и все, кто сейчас не идет с борющимся за свое существование народом, все они — в стане врагов народа. Собрание призывает всех, кому дороги завоевания революции, — в ряды борцов за социальное освобождение трудящихся.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует международная рабочая революция!»¹.

---

¹ Уральский рабочий. 1918. 23 июля. № 144/241.

ГЛАВА XIV

Расстрел бывших великих князей

На Урале нашли себе могилу и другие члены династии Романовых. В Перми был расстрелян брат Николая, Михаил Александрович Романов.

С марта 1917 г. он со своей семьей жил в Гатчине. Только через год, в связи с движением монархистов в его пользу, в феврале 1918 г. он был, по настоянию Петроградского Совета, арестован и вместе со своим секретарем Н. Джонсоном отправлен в Пермь. В сопроводительном документе на имя Пермского Совета указано было, что Михаил Романов высылается в Пермь под ответственность и наблюдение Совета, причем предлагалось не чинить Михаилу Романову особых стеснений. Однако Пермский Совет не решился сразу освободить его и держал под арестом в номерах бывшего «Благородного собрания». Михаил Романов протестовал против ареста и настаивал на освобождении его, ссылаясь на постановление об этом Петрограда. Между тем на заседаниях Горсовета и на рабочих собраниях, особенно в Мотовилихинском заводе, по инициативе самих рабочих, неоднократно ставился вопрос о необходимости расстрела Михаила Романова, чтобы этим раз навсегда отбить у монархистов желание охотиться за кандидатом на царский престол.

Несмотря на попытки руководящих организаций бороться с этим течением, собрания выносили резолюции об уничтожении Романовых.

Учитывая опасность свободного проживания в Перми и возможность безответственных выступлений, Пермский Совет предлагал Михаилу перевести его в специально отремонтированное помещение тюремной больницы.

Романов обратился с жалобой в Совнарком и Всероссийскую чрезвычайную комиссию. В ответ на эту жалобу Пермским Советом было получено, за подписью управделами Совнаркома Бонч-Бруевича, предложение освободить Михаила Романова под надзор Совета и, за

подписью Урицкого, разрешение Романову свободного жительства в Перми. Тогда Романову указано было представителями исполкома, что он освобождается без всякой гарантии, и Совет не берет на себя ответственности за могущие произойти события.

Освобожденный от ареста Романов со своим секретарем Джонсоном, камердинером Чельшевым и шофером Боруновым поселился на Сибирской улице — одной из главных улиц Перми, вблизи реки Камы, в лучших «Королевских» номерах.

Первоначально за ним был установлен гласный надзор милиции, а затем, когда исполком снесся с центром и, указывая на создавшееся положение, снял с себя ответственность за «целость» Романова, по предложению Петрограда, надзор был поручен Губ. чрезвычайной комиссии, куда Михаил и ходил для «отметки» в установленные дни.

Живя на «свободе», Михаил Романов был тесно связан со своими друзьями и родственниками, и между Пермью и Петроградом существовала постоянная связь. Жена Михаила — графиня Брасова — в мае приезжала в Пермь и затем поехала в Москву, где, по словам Р. Вильтона¹, виделась с В. И. Лениным и ходатайствовала о разрешении своему мужу выезда за границу. В этом ей, конечно, было отказано. Впоследствии Брасова была арестована, но ей удалось бежать за границу.

Между тем, под влиянием требований рабочих Перми и Мотовилихи о расстреле Михаила Романова, образовалась группа рабочих, поставившая себе целью его убить. Группа эта (5 человек) не была связана ни с партийными, ни с советскими организациями и действовала в большой тайне, на «собственный страх и риск».

В ночь с 12 на 13 июня группа явилась с подложными документами Губчека в гостиницу. Михаил Романов в это время уже спал. Его разбудили и предъявили документ о срочном выезде из Перми. Романов отнесся недоверчиво к заявлению и отказался следовать за ними, требуя вызвать врача и председателя Чрезвычайной комиссии Малкова. Тогда пришедшие объявили, что они увезут его силой. Секретарь Джонсон заявил, что он также последует за своим «господином». Хотя Джонсон в планы группы не входил, однако, чтобы не задерживаться в номерах, ре-

¹ Вильтон Р. Последние дни Романовых. С. 94.

шено было взять и его. Обоих «арестованных» посадили в заранее приготовленные экипажи и повезли за город, по направлению к Мотовилихе по тракту. Проехав керосиновые склады Нобеля, находившиеся в 6 километрах от Мотовилихи, они свернули в лес направо, где расстреляли Михаила Романова и Джонсона. Чтобы скрыть следы, одним из участников было сообщено по телефону в милицию и Губ. чрезвычайную комиссию, что ночью в «Королевские» номера явились какие-то неизвестные лица и увезли Михаила Романова по направлению Сибирского тракта.

Похищение это было полной неожиданностью для всех организаций Перми. Немедленно была организована погоня, которая, однако, направилась по ложному пути и никаких следов найти не могла. Вместе с тем были даны телеграммы в Петроград и по всем направлениям от Перми о побеге Михаила Романова.

Некоторое время пермские организации были в неведении об истинной подкладке событий и лишь спустя некоторое время из слухов, пошедших с низов, им удалось узнать, что было сделано с Романовым.

После проверки этих слухов и опроса предполагаемых участников расстрела выяснилось, что Михаил Романов действительно расстрелян, о чем и было опубликовано в газетах.

Надвинувшиеся военные события на Урале, расстрел всей царской семьи в Екатеринбурге еще меньше остановили внимание трудящихся Урала на смерти этого отпрыска династии.

В июле окончили свою жизнь и «члены романовского дома», высланные в мае в Алапаевск.

Алапаевск, небольшой городок по линии ж. д. Ирбит — Н. Тагил, раньше был заштатным городом Пермской губ., теперь окружной центр. Как место ссылки для бывших членов семьи Романовых Алапаевск был выбран удачно: город находится в стороне, на железной дороге и, как рабочий центр, считался одним из наиболее надежных.

Первоначально, когда решался вопрос о переводе Романова на Урал, местом заключения его намечался Алапаевск, для чего и было уже подыскано там подходящее помещение, но впоследствии, в связи с близостью фронта, решено было старших Романовых оставить в Екатеринбурге.

Впоследствии Алапаевск был использован Уралсоветом для заключения великих князей. 20 мая 1918 г. были туда

привезены бывшая в. к. Елизавета Федоровна, бывший в. к. Сергей Михайлович, Елена, бывш. сербская королевна; сыновья бывш. в. к. Константина Константиновича — Иван, Игорь и Константин и Владимир Палей, сын бывш. в. к. Павла Александровича. Всех их поместили в новом каменном здании так наз. «Напольной школы», расположенной на окраине завода; здание было в спешном порядке оборудовано под жилье.

Первое время Романовы в Алапаевске жили довольно свободно. Ходили одни, без охраны, в церковь, совершали прогулки в поле близ «школы» и т. д. Но здесь, как и в других местах, вокруг них скоро сплотилась тесная группа друзей, в изобилии приносивших князьям и богомольной княгине доброхотные даяния, цветы, продукты и свои сочувствия. С другой стороны, рабочие массы Алапаевска, считаясь с угрозами контрреволюции, выразившимися в восстании автомобилистов в Невьянском заводе, вблизи Алапаевска, и вообще с развитием операций на восточном фронте, настаивали или на заключении Романовых в Алапаевске под стражу, или на уничтожении их. Как раз в это время произошел увоз в Перми Михаила, и Уралсовет предложил Алапаевскому Совету установить более строгий надзор за Романовыми в целях предупреждения побега.

С 21 июня Алапаевский исполком, с согласия Уралсовета, установил для Романовых тюремный режим: после этого была прекращена передача с воли; запрещены всякие прогулки вне школьной ограды; удалены от заключенных все посторонние и только при Елизавете Федоровне была оставлена монахиня Яковлева и при Сергеев Михайловиче — служащий Ремез.

Происшедшая перемена сильно взволновала алапаевских заключенных, они решили просить Уралсовет о снятии тюремного режима.

21 июня бывш. в. к. Сергей Михайлович, от имени своих родственников, находящихся в Алапаевске, телеграфировал: «Екатеринбург Председателю областного Совета. По распоряжению Областного Совета мы с сегодняшнего дня находимся под тюремным режимом... Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима».

В ответ была получена телеграмма на имя алапаевского комиссара юстиции Соловьева: «Объявите Сергею Романову, что заключение является предупредительной

мерой против побега, ввиду исчезновения Михаила из Перми. Белобородов»¹.

С приближением фронта и в связи с необходимостью посылки всех сил туда руководители алапаевской организации, учитывая требование масс, решили Романовых расстрелять.

Решение было приведено в исполнение в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. Трупы расстрелянных были спущены в глубокую шахту в 11 километрах от Алапаевска, вблизи Верхне-Синячихинского завода.

Расстрелом Романовых на Урале закончился первый период Советской власти.

---

¹ Соколов Н. Убийство царской семьи. С. 259.

ГЛАВА XV

В поисках Романовых

25 июля, утром, Екатеринбург был занят белыми. Вступив в город, офицерство немедленно бросилось к Ипатьевскому дому искать следы бывшего царя и его семьи.

Военные власти немедленно решили организовать следствие «об убийстве царя», для чего ими была образована особая комиссия офицеров академии генерального штаба, под председательством полковника Шереховского, с судебным следователем Наметкиным.

30 июля, т. е. через полторы недели после расстрела, началось судебное следствие.

Не зная, кто из царской семьи уничтожен, комиссия искала главным образом труп Николая Романова. По городу были распространены самые разнообразные слухи о конце Романовых. Говорили, что бывшего царя закопали в саду дома Ипатьева,— по распоряжению особой комиссии перерыли весь садик; кто-то сообщил, что Романова расстреляли в лесу за ст. Екатеринбург II,— и долго рыли землю в лесу за станцией; неводами и баграми были обшарены городской и Верхисетский пруды, куда, по предположению, были брошены трупы; раскопано было несколько могил на кладбище, но все поиски никаких результатов не дали.

В контрразведку явился поручик Шереметьевский, скрывавшийся при красных в деревне Коптяки, и дал сведения о том, что большевиками в лесу, в районе «Ганиной ямы», перед отступлением сжигались трупы, судя по оставшимся обгорелым вещам принадлежащие членам бывшей царской семьи.

Два лета — 1918 и 1919 гг.— в этом районе откачивалась вода из шахт, перерывались окрестности в поисках «священных останков».

Следствие, на основании слухов, случайных документов и умозаключений следователей, выводило одну версию

за другой, версию возможного «спасения» Романовых.

Очень много говорилось об отсутствии трупов, несмотря на тщательнейшие розыски. Найти могилу Романовых не удалось, потому что остатки трупов после сожжения были увезены от шахт на значительное расстояние и зарыты в болоте, в районе, где добровольцы и следователи раскопок не производили. Там трупы и сгнили благополучно.

17 января 1919 г. к ведению следствия были привлечены новые лица, причем общее руководство ими Колчак поручил генералу М. К. Дитерихсу. Главным следователем был назначен Н. Соколов, монархист, бежавший от большевиков из Саратова.

По делу об «убийстве отрекшегося от престола государя императора Николая Александровича и членов его семьи» следователь Соколов привлек в качестве обвиняемых 164 человека, находящихся по другую сторону фронта, в отношении которых по всему фронту был дан особый приказ, «дабы жизнь всех указанных лиц была сохранена, и они, по их задержании были бы препровождены в тыл...»

К работе на шахтах был привлечен инженер Котнев, который с помощью катерной паровой машины и откачивал воду из наиболее «подозрительных» шахт. Всего было осмотрено 29 шахт, но нашли только разную мелочь.

В результате следствия, путем опроса попавших в руки белогвардейцев лиц, так или иначе причастных к расстрелу бывш. царской семьи, была установлена несомненность расстрела всей царской семьи.

Установив это, монархисты собрали все вещи и пепел, найденные в районе шахт и в Ипатьевском доме, и, как «наследство», отвезли их в Англию, другу и родственнику Романовых — английскому королю.

Белогвардейцы жестоко расправлялись с уральскими рабочими и крестьянами. Тысячи их погибли от шомполов и пуль пьяной офицершины в тюрьмах и застенках Екатеринбурга, Перми и других городов Урала, заплатили своей жизнью за расстрел Романовых.

Жестоко расправились, после пыток, белые бандиты и с теми немногими, которые были причастны к расстрелу и попали в руки белых. Погиб член Областного Совета эсер доктор Сакович, оставшийся в Екатеринбурге в надежде на защиту Учредилки; погиб рабочий П. Медведев, участвовавший в расстреле Романовых. По данным, со-

общаемым Дитерихсом и Вильтоном, они умерли самым «мирным» образом — Сакович в омской тюрьме от скоротечной чахотки, а Медведев в екатеринбургской тюрьме от тифа; но тюремные застенки, видевшие смерть этих жертв колчаковщины, говорят иное...

Следствие по делу о расстреле остальных членов семьи Романовых не нашло и трупа Михаила Романова. Были найдены лишь трупы князей, расстрелянных в Алапаевске. Торжественно похоронены были эти «жертвы» в склепе под Алапаевским собором. При наступлении красных «драгоценные тела» были под большим секретом вывезены из Алапаевска каким-то игуменом Серафимом... и перевезены в Пекин, а впоследствии гробы бывшей в. к. Елизаветы Федоровны и ее монахини вновь были откопаны и вывезены в Иерусалим, где торжественно похоронены уже в конце января 1921 г.

За расстрел этой группы семьи Романовых жестоко поплатились рабочие и крестьяне Алапаевска. Достаточно сказать, что одна из шахт около д. Алапаевки была заброшена трупами расстрелянных крестьян на целых восемь метров высоты.

Волна белого террора широко прокатилась по Уралу, и работа монархистов открыла глаза многим трудящимся Урала на истинные цели колчаковских банд. Многочисленные восстания в тылу белых, массовый переход мобилизованных Колчаком рабочих и крестьян Урала в Красную Армию помогли Советской власти летом 1919 г. нанести решительный удар колчаковским бандам и добить их в лесах Сибири.

Адмирал Колчак, верховный правитель, пытавшийся было стать новым самодержцем России, брошенный и союзниками и своими «именными» офицерскими полками, волею восставших сибирских рабочих кончил свою жизнь в Иркутске, уйдя в могилу той же дорогой, по которой ушли туда Романовы на Урале.

Своей победой над последними защитниками монархизма трудящаяся Россия еще глубже вогнала осиновый кол в могилу династии Романовых, и какие бы меры ни принимали оставшиеся в живых охвостья этого дома за границей, покойника из могилы не воротить.

И как символ победы вырос за последние годы под Екатеринбургом, вблизи того места, где сгнили в болоте кости последнего царя, — гигант **Машинострой**, один из мощных рычагов индустриализации страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УТОЧНЕНИЙ

Партия к.- д. — партия кадетов или конституционно-демократическая партия

Всеросс. зем. союз — Всероссийский земский союз

Всеросс. союз городов — Всероссийский союз городов

Великий кн., в. к. — Великий князь

Врем. правительство — Временное правительство

Гос. дума — Государственная дума

Ген. — генерал

А. И. — А. И. Гучков, один из основателей и лидеров партии октябристов

Ст. ст. — старый стиль

Н. ст. — новый стиль

Бывш. — бывшая

Ст. — станция

о. Алексей Васильев — отец Алексей Васильев

Инж. — инженер

Фабр. — фабричных

Губ. чрезвычайная комиссия — губернская Чрезвычайная Комиссия

Майор Мигич — (в действительности майор Мигич)

ИЗ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ РОМАНОВА*

1918 ГОД

3 января. Среда

У Алексея тоже началась краснуха, но совсем слабая; Ольга и Татьяна себя чувствовали хорошо, вторая даже вставала. Целый день шел снег. Отрядный комитет стрелков сегодня постановил снять погоны, чтобы не подвергаться оскорблению и нападениям в городе. Непостижимо.

27 января. Суббота

Серый день — 8 градусов мороза. Днем пилил с Татищевым. Валя Долгор. нездоров. Алексей тоже пролежал. В 9 часов была всенощная.

7/20 февраля. Среда. 8/21 февраля

Та же неизменно прекрасная погода с теплым солнцем и поразительно яркой луной по ночам.

Судя по телеграммам, война с Германией возобновлена, так как срок перемирия истек; а на фронте, кажется, у нас ничего нет, армия демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля. Позор и ужас.

12/25 февраля. Понедельник

Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унизительных условиях герман (ского) прав(ительства), ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем. Кошмар.

14/27 февраля. Среда

Приходится нам значительно сократить наши расходы на продовольствие и на прислугу, так как гофмарш(альская) часть закрывается с 1 марта и, кроме того, использование собственными капиталами ограничено получением каждым 600 руб. в месяц. Все эти последние

¹ Текст печатается по изданию: Красный архив. 1927. № 1—3; 1928. № 2.

дни мы были заняты высчитыванием того минимума, кот(орый) позволит сводить концы с концами.

2/15 марта. Пятница

Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде.

Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как бог. Да будет воля его святая.

9/22 марта. Пятница

Сегодня годовщина моего приезда в Царское Село и заключения с семьею в Александровском Дворце. Невольно вспоминаешь этот прошедший тяжелый год. А что еще ожидает нас всех впереди? Все в руце божией. На него только все упование наше.

В 8 часов пошли к обедне. День провели как всегда. Обедали в 7 часов, затем была вечерня и после нее исповедь в зале: детей, свиты, людей и наша.

8 апреля. Воскресенье

Двадцать четвертая годовщина нашей помолвки. День простоял солнечный, с холодным ветром, весь снег стаял.

В 11¹/₂ была обедница. После нее Кобылинский показал мне телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановление отрядного комитета о снятии мною и Алексеем погон. Поэтому решил на прогулки их не надевать, а носить только дома. Этого свинства я им не забуду. Работал в саду два часа. Вечером начали читать вслух «Волхвы» — тоже Всеволода Соловьева.

9 апреля. Понедельник

Узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы; он поселился в Корниловском доме. Дети вообразили, что он сегодня придет делать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники. Погода была отвратительная, холодная и с мокрым снегом. Алексей себя чувствовал лучше и даже спал днем часа два-три.

12 апреля. Четверг

После завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря куда? Алиks решила ехать со мной и взять Марию; протестовать не стоило. Оставлять остальных детей и Алексея — больного да при нынешних обстоятельствах — было более чем тяжело. Сейчас же начали укладывать самое

необходимое. Потом Яковлев сказал, что он вернется обратно за О(льгой), Т(атьяной), Ан(астасией) и А(лексеем) и что, вероятно, мы их увидим недели через три. Грустно провели вечер; ночью, конечно, никто не спал.

16 апреля. Понедельник

Утром заметили, что едем обратно. Оказалось, что в Омске нас не захотели пропустить. Зато нам было свободнее, даже гуляли два раза, первый раз вдоль поезда, а второй — довольно далеко в поле вместе с самим Яковлевым. Все находились в бодром настроении.

17 апреля. Вторник

Тоже чудный теплый день. В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые. И поезд перешел к другой — товарной станции. После полторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с кот(орым) мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева. Мало-помалу подъехали наши и также вещи, но Валю не впустили.

Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня, угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркою без дверей. Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару. К 9 часам, наконец, устроились. Обедал в $4\frac{1}{2}$ из гостиницы, а после приборки закусили с чаем.

Разместились след(ующим) образом: Аликс, Мария и я в спальне, уборная общая, в столовой — Н. Демидова, в зале — Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда комната кар(аульного) офицера. Караул помещался в двух комнатах около столовой. Чтобы идти в ванную и W. C., нужно было проходить мимо часового у дверей кар(аульного) помещения. Вокруг дома построен очень высокий дощатый забор в двух саженях от окон; там стояла цепь часовых, в садике тоже.

24 апреля. Вторник

День простоял лучше и немного теплее. Сегодня до-

вольствие получили из собрания, но какого, не знаю? И обед и ужин опоздали на час. Гуляли подольше, так как было солнце. Авдеев, комендант, вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посыпать! Вечером выкупался в ванне. Поиграл с Аликс в безик.

27 мая. Воскресенье

Наконец встал и покинул койку. День был летний. Гуляли в две очереди: Аликс, Алексей, Ольга и Мария до обеда; я, Татьяна и Анастасия до чая. Зелень очень хорошая и сочная, запах приятный. Читаю с интересом 12-й т(ом) Салтыкова: «Пошехонская старина».

14 июня. Четверг

Нашей дорогой Марии минуло 19 лет. Погода стояла та же тропическая, 26 градусов в тени, а в комнатах 24 градуса, даже трудно выдержать! Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые.

Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в кот(орых) нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми.

Но дни проходили и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОМЕНДАНТА
ДОМА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
В г. ЕКАТЕРИНБУРГЕ Я. М. ЮРОВСКОГО

16/VII была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романовых 16-го в 6 час. вечера. Филипп Голощекин предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов ночи должна была приехать машина для отвоза трупов. В 6 часов увяли мальчика Седнева (поваренка), что очень обеспокоило Романовых и их людей. Приходил доктор Боткин спросить, чем это вызвано? Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом бежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на следующий день был отправлен на родину (кажется, в Тульскую губернию). Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в $\frac{1}{2}$ второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек (в т. ч. 7 латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц. Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Одевались с $\frac{1}{2}$ часа. Внизу была выбрана комната, с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов); из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Николай нес на руках Алексея, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, Александра Федоровна спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?». Комендант велел внести два стула. Николай посадил на один Алексея, на другой села Александра Федоровна. Остальным комендант велел стать в ряд. Когда стали, позвали команду. Когда вошла команда, комендант сказал

Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом «что? что?». Коменданту вскоре повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому и кого стрелять и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Николай был убит самим комендантом наповал, затем сразу же умерли Александра Федоровна и люди Романовых (всего было расстреляно 12 человек: Николай, Александра Федоровна, Алексей, четыре дочери, Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, доктор Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров, еще повар Харитонов и фрейлина, фамилию которой коменданту забыл). Алексей, три из сестер и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило коменданта, т. к. целили прямо в сердце, удивительно было и то, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа. Благодаря всему этому, вся процедура, считая «проверку» (щупанье пульса и т. д.), взяла минут 20. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, прикрывая сукном, чтобы не протекала кровь. Тут начались кражи, пришлось поставить 3 надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела, все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.). Коменданту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и т. д. лежало на обязанности т. Ермакова (рабочий Верх-Исетского завода, бывший политкаторжанин). Он должен был приехать с автомобилем и был впущен по условному паролю «трубочист». Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Ермакова и коменданту решил проверить сам лично всю операцию до конца. Около трех часов утра выехали на место, которое должен был приготовить Ермаков (за Верх-Исетским заводом). Сначала предполагалось везти в автомобиле, а от известного пункта

та на лошадях, т. к. автомобиль дальше пройти не мог. Местом выбранным была брошенная шахта. Проехав Верх-Исетский завод, верстах в 5, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены Совета, исполнкома и т. д.), которых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что же вы нам их не живыми привезли?!» Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки — тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут обнаружилось, что на Татьяне, Ольге и Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было, не было лопат и т. п. Так как машина застряла между 2 деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга на $11\frac{1}{2}$ верст и остановились в $1\frac{1}{2}$ верстах от деревни Коптяки: это было в 6—7 часов утра. В лесу отыскали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото), глубиной аршина $3\frac{1}{2}$. В шахте было на аршин воды. Комендант распорядился раздеть трупы и разложить костры, чтобы все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пульями — в отверстие видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Комендант решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране несколько верховых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На Александре Федоровне оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, защищенных в полотно. Бриллианты тут же выпарывались. Их набралось (т. е. бриллиантовых вещей) около $\frac{1}{2}$ пуда. Это было похоронено на Алапаевском заводе, в одном из домиков в подполье, в 19 г. откопано и привезено в Москву. Сложив все ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а самые трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставленная челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи руч-

ных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части — этим комендант объясняет нахождение на этом месте белыми (которые потом его открыли) оторванного пальца и т. п. Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, комендант часов в 10—11 утра (17-го уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова. Комендант рассказал, что найдено, и высказал им сожаление, что ему не позволили в свое время произвести у Романовых обыск. От Чуцкаева (предс. горисполкома) комендант узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту имеются очень глубокие заброшенные шахты, подходящие для погребения Романовых. Комендант отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины, добрался до шахт уже пешком — нашел, действительно, три шахты очень глубоких, заполненных водой, где и решил утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, явившиеся неудобными свидетелями, то решено было, что одновременно с грузовиком, который привезет трупы, приедет автомобиль с чекистами, которые под предлогом обыска арестуют всю публику. Обратно коменданту пришлось добраться на случайно захваченной по дороге паре. Задерживавшие случайности продолжались и дальше — отправившись с одним из чекистов на место верхом, чтобы организовать все дело, комендант упал с лошади и сильно расшибся (а после также упал чекист). На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, заполненных водой, преварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой. Вернувшись, наконец, в город уже в 8 час. вечера (17-го), начали добывать все необходимое — керосин, серную кислоту. Телеги с лошадьми без кучеров были взяты из тюрьмы. Рас считывали выехать в 11 ч. вечера, но инцидент с чекистами задержал, и к шахте с веревками, чтобы вытаскивать трупы и т. д., отправились только в $12\frac{1}{2}$ ч., ночью с 17 на 18-е. Чтобы изолировать шахту (первую, старательскую) на время операции, объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чехи, лес будут обыскивать, чтобы никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Было приказано, если кто ворвется в район оцепления, расстрелять на месте. Между тем рассвело (это был уже

третий день, 18-го). Возникла мысль часть трупов похоронить тут же, у шахты, стали копать яму и почти выкопали. Но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин и выяснилось, что он мог видеть яму. Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, комендант отправился в город за машинами (грузовик и две легковые, одна для чекистов). Смогли отправиться в путь только в 9 час. вечера. Пересекли линию жел. дор., в полуверсте перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымощивая опасные места шпалами, и все-таки застраивали несколько раз. Около $4\frac{1}{2}$ утра 19-го машина застряла окончательно, осталось, не доезжая шахт, хоронить или жечь. Последнее обещал взять на себя один товарищ, фамилию комендант забыл, но он уехал, не исполнив обещания.

Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же, под костром, останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем выкопали братскую могилу для оставшихся. Часам к 7 утра яма, аршина в $2\frac{1}{2}$ глубины, $3\frac{1}{2}$ в квадрате, была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неизвестности, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была не глубока). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли.

Этот материал передан Я. М. Юровским
в 1920 г. М. Н. Покровскому, историку.
ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 7—13.

Быков П. М.

Б95 Последние дни Романовых. Изд. 3-е, доп.— Свердловск: издательство «Уральский рабочий», 1990—144 с.

5 р. 100 000 экз.

Книга П. М. Быкова — первого председателя исполнкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов — раскрывает одну из трагических страниц нашей истории — расстрел семьи Романовых на Урале. Предыдущие издания (Свердловск, 1926; М.; Л., 1930) долгие годы были под запретом и стали библиографической редкостью.

Новое издание, дополненное подлинными документами, фотографиями членов царской семьи, некоторых организаторов и участников расстрела, «Дома особого назначения» в г. Екатеринбурге, где была расстреляна семья Романовых, дает читателю возможность полнее представить события тех тревожных лет и оценить их как историческое явление.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Б 460301000—003
4771—590532—90

ББК 63.3

ROMANOV'S LAST DAYS / P. M. BYKOV.

This book by the first chairman of the Ekaterinburg Soviet executive committee tells about one of the most dramatic events of the Russian history — the tzar family execution in the Urals. Earlier editions (Sverdlovsk 1926, Moscow — Leningrad 1930) were under the censor ban and were held in the «closed» fonds of libraries.

New edition, accompanied with the unknown documents and fotos from Sverdlovsk archaives gives an opportunity to a foreign reader to realise the dramatic events of the 1918 summer in the Urals.

Павел Михайлович Быков
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РОМАНОВЫХ

Составитель *С. Д. Алексеев*

Редактор *В. В. Алексеев*

Художник *Е. В. Арбенев*

Технический редактор *Н. А. Новоселова*

Сдано в набор 25.09.90. Подписано в печать 26.11.90.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага писчая № 1. Гарнитура тип Таймс.

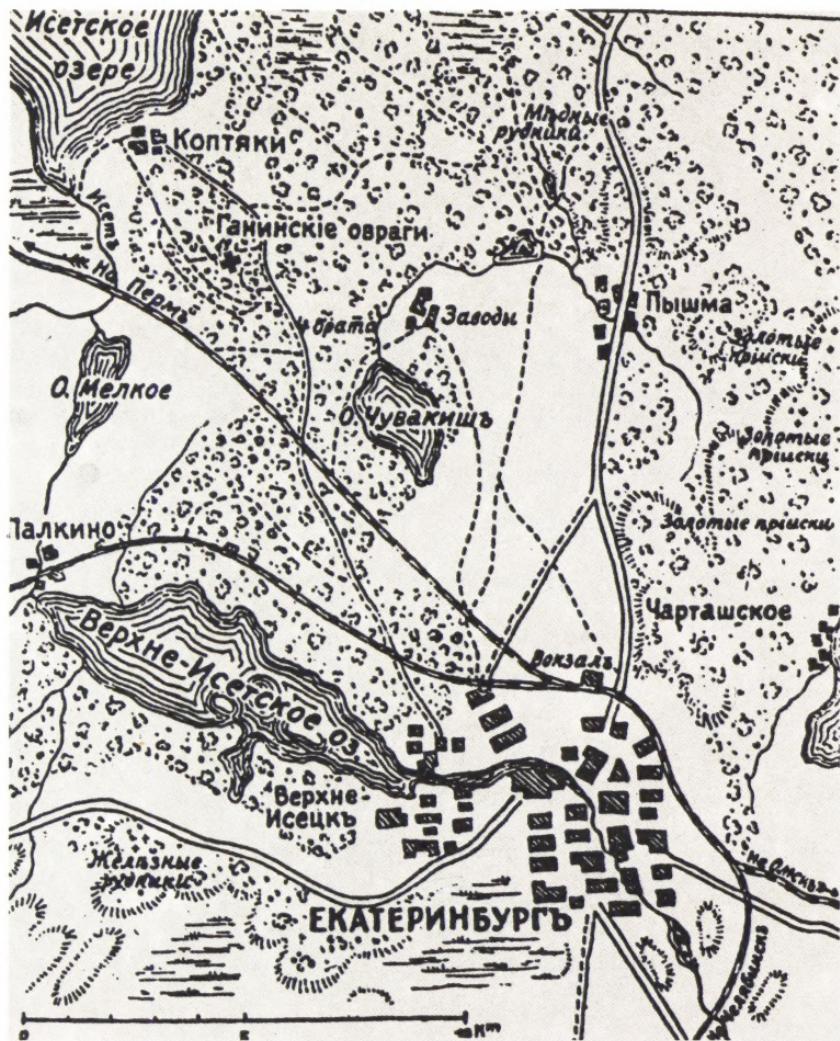
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,9. Доп. тираж 100 000.

Заказ № 329. Цена 5 р.

Издательство «Уральский рабочий», 620219, Свердловск, ул. Тургенева, 13.

Уральская школа бизнеса и информатики. 620142, Свердловск, ул. Белинского, 206.

Типография издательства «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Карта окрестностей Екатеринбурга с указанием
местонахождения уроцища Четырех Братьев
и Ганиной Ямы.

5 р.

Издательство
«Уральский рабочий»
1990

Ихъ Императорскія Величества съ
Августѣйшою супругою

Последний император России Николай II,
его супруга Александра Федоровна с сыном Алексеем
и дочерьми Марией, Анастасией, Татьяной, Ольгой.

